

——
НАТАЛЬЯ
ТИМОШЕНКО
——

И Г Р А

с огнем

ОТ АВТОРА СЕРИИ "СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ"

Наталья Тимошенко

Игра с огнем

«Автор»

2019

Тимошенко Н. В.

Игра с огнем / Н. В. Тимошенко — «Автор», 2019

Маленький сонный городок, затерянный среди бескрайних лесов и болот. Здесь не происходит ничего интересного, жизнь течет лениво и размеренно, все жители так или иначе знакомы друг с другом, а самая обсуждаемая новость за последние несколько лет – лесной пожар. Именно здесь нашел пристанище Максим Васильев – бывший следователь, а теперь столяр, плотник, кухарка, уборщица и отец-одиночка, воспитывающий пятнадцатилетнюю дочь. Спокойствие сонного городка будет нарушено, когда в нем появится таинственный маньяк, убивающий женщин ради загадочных ритуалов. Максиму придется помочь полиции разобраться с этим делом, найти маньяка, а заодно выяснить, какое отношение ко всему происходящему имеет Элиза – новая учительница в местной школе. Кто она – случайная свидетельница или с жертвами ее связывает нечто большее? Какие тайны она скрывает за запертой дверью квартиры? И все это придется делать очень быстро, ведь убийца уже близко...

© Тимошенко Н. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	37
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталья Тимошенко

Игра с огнем

Все места и события выдуманы.

Пролог

На старом чердаке было душно и пыльно. Лучи заходящего солнца, проникающие сквозь щели в крыше, яркими полосками прорезали большое пространство, словно делили его на части. В самом дальнем углу, куда солнце не дотягивалось, полным ходом шла подготовка к ритуалу. В центре очерченного мелом круга лежала большая потрепанная книга в кожаном переплете, снаружи были отмечены шесть точек, возле каждой из которых стоял нужный атрибут: горящая свеча, стакан с водой, пустой стакан, горка земли с кладбища, мертвый воробей и белая крыса в клетке. Инга понятия не имела, что означают эти атрибуты, но спрашивать не решалась. Ей было страшно, но она не показывала этого.

На чердаке, кроме нее самой, находились еще Стрекоза и Мелкая. В их небольшой девичьей компании было принято называть друг друга по прозвищам, но только тогда, когда они находились одни. Посторонним людям не следовало этого знать, утверждала Стрекоза. Она была самой старшей, ей уже исполнилось шестнадцать, поэтому остальные девочки никогда ей не перечили. Мелкой было всего пять, и ее в компанию привела сама Инга. Они жили по соседству, у Мелкой не было отца, только мать, поэтому Инга присматривала за девочкой, когда та находилась на работе. Ее было удобно отправлять по всяким поручениям, которые не хотелось делать самим. Например, в свои пять она уже виртуозно воровала у матери сигареты.

Скрипнула дверь в полу, и из нее показалась блондинистая голова Пончика. Пончиком девочку прозвали несколько лет назад, когда она была еще пухленьким ребенком, но теперь, когда ей уже исполнилось тринадцать, она начала следить за собой и заметно похудела, прозвище выглядело нелепо, словно издевательство. Следом за Пончиком на чердаке внезапно появилась не Веста, а маленькая девчонка, настолько худенькая и прозрачная, будто сотканная из воздуха. Лишь когда она подошла чуть ближе, Инга разглядела светло-рыжеватые волосы, заплетенные в две косички, и россыпь мелких веснушек на курносом носике. Сама Инга тоже обладала рыжей шевелюрой, за что и получила соответствующее прозвище, но ее волосы выглядели ярко-рыжими, почти красными, а у этой девчушки рыжина едва-едва проглядывалась. Веснушек у Инги не было совсем, и кожа казалась не прозрачной, а матовой. Мальчишки уже сейчас не переставали дергать ее за косы, еще через несколько лет она станет настоящей красавицей.

Инга не знала, как зовут девчушку, но видела ее пару раз. Девичья компания давно облюбовала старый чердак в доме на окраине города, и малышку Инга встречала во дворе. Должно быть, она жила здесь.

– Это еще что за бледная моль? – удивилась Стрекоза, когда на чердак залезла и Веста, как обычно, притащив с собой фотоаппарат. С ним она никогда не расставалась, а ее снимки даже печатали в местной газете.

– Нам же нужен шестой человек, – пожалала плечами Веста.

– А постарше никого не нашлось?

– Да она старше Мелкой! Просто выглядит так.

Инга с сомнением посмотрела на Бледную Моль, а затем перевела взгляд на Мелкую. Если бы она верила в то, что ритуал будет по-настоящему опасным, наверное, испугалась бы присутствия двух пятилетних девчонок, вдруг они все испортят? Но что бы ни говорила Стре-

коза, как бы ни убеждала подруг, что книгу подкинул ей сам Сатана и ритуал будет настоящим, девчонки не особо в это верили. Стрекоза вечно придумывает всякое. Скорее, Инга боялась, что кто-нибудь застанет их тут. И тогда мать наконец исполнит свое обещание: выдерет ее как Сидорову козу.

– Где ты ее только нашла? – продолжала ворчать Стрекоза.

– Она в этом доме живет, – пояснила Веста. – Ладно, искать другого человека все равно некогда, если мы хотим провести ритуал сегодня.

На это Стрекозе нечего было возразить. Солнце уже спряталось за деревья, на чердаке стало темно, но так и не похолодало. Лето в этом году выдалось сухое и жаркое, дождя не было почти месяц.

– Давайте сфотографируемся, – ожидаемо предложила Веста, раздвигая ножки штатива, чтобы закрепить фотоаппарат. – Вдруг у нас все получится, мы же станем избранными.

По сарказму в ее голосе Инга поняла, что Веста тоже не верит в ритуал, просто использует возможность сделать несколько необычных кадров. Правда, Стрекоза наотрез отказалась позировать на фоне ритуальных атрибутов. Веста была младше всего на год, но все равно не решилась уговаривать. Пришлось выстроиться всем возле стены.

– А теперь давайте наконец приступим, – ворчливо заявила Стрекоза, когда яркая вспышка полыхнула в темноте чердака, на мгновение ослепив всех шестерых.

Девчонки расставили еще с десяток толстых свечей неподалеку от места ритуала, просто чтобы стало чуть светлее, и потихоньку начали рассаживаться вокруг книги в указанных Стрекозой точках. Инге пришлось сесть возле кучки земли, потому что старшие подружки уже заняли самые безобидные места: крысу и оба стакана. Садиться возле дохлой птицы она желания не имела, а огня боялась с тех пор, как еще в детстве босой ногой наступила на тлеющие угли. К свече усадили молчаливую Бледную Моль, которая от испуга и непонимания происходящего не произнесла еще ни слова.

Все были готовы начать ритуал, но внезапно Инга заметила, что у ее подопечной по щекам текут слезы.

– Эй, ты чего? – удивилась она.

– Я не хочу сидеть возле мертвой птички! – в голос зарыдала Мелкая, как будто только и ждала сигнала.

Стрекоза шумно выдохнула сквозь зубы и резко поднялась с места.

– Давай поменяемся, – зло предложила она, и Мелкая торопливо перешла на ее место.

Когда все наконец снова расселись и затихли, Стрекоза торжественно раскрыла книгу, кашлянула для вида и принялась читать заклинания. Инге казалось, что большую часть она придумывает на ходу, потому что иногда предложения становились совсем бессвязными, да и в полутьме чердака, не уткнувшись носом в странички, сложно было бы разглядеть слова, а Стрекоза сидела очень прямо, как у короля на именинах. Вскоре текст и вовсе превратился в какую-то непонятную белиберду, и Инга почувствовала, что начинает засыпать. Лучше бы она осталась дома и посмотрела телевизор.

– Возьмите магические атрибуты, – загробным голосом велела Стрекоза.

Инга вздрогнула, выпрямилась и торопливо сгребла в ладони землю. Остальные девочки сделали то же самое. Сон словно рукой сняло. На грудь как будто кто-то положил тяжелый камень, даже дышать стало трудно. Хотелось лечь на пол, свернуться калачиком, прижать колени к груди и не шевелиться. Лет так сто.

Стрекоза вдруг замолчала. В этой внезапной тишине было слышно, как копошится в клетке крыса, как шмыгает носом Мелкая, а снаружи шумят деревья. Почему-то стало очень жутко. Инга сильнее сжала землю в ладонях и оглянулась. Девчонки тоже переглядывались, не понимая, что делать дальше, и вдруг круг, начерченный мелом, заискрился переливающимся

светом, а затем вспыхнул. Не то Бледная Моль уронила свечу, не то мел зажегся сам по себе. Столп огня поднялся так высоко, что коснулся крыши. Девчонки отпрянули в стороны.

– Черт! – вскрикнула Веста, и тут же завопили все остальные.

Поднялась страшная суматоха. Огонь распространялся по старым стропилам так стремительно, словно кто-то гнал его кузнечными мехами, черный удушливый дым быстро заполнил чердак. Инга отползла в сторону, уперлась спиной в стену и замерла от ужаса. Липкий страх полз по ее телу быстрее, чем огонь по крыше, не давал пошевелиться.

– Бежим, бежим! – подгоняла всех Пончик. – Рыжая!

Собственное прозвище вывело Ингу из ступора. Она резво вскочила на ноги, но вместо того, чтобы бежать к выходу, оглянулась по сторонам. Где-то в этом огненном аду оставалась Мелкая, ее соседка, за которую она отвечает. Едкий дым драл горло и разъедал глаза, но Инга все равно бегала по чердаку в поисках соседки. Девочка нашлась в противоположном углу – когда только успела добраться сюда? Она свернулась тем самым калачиком, в который Инга мечтала превратиться всего несколько минут назад, и, закрыв лицо руками, громко плакала.

Не трата время на уговоры, Инга схватила Мелкую за руку и волоком потащила к выходу. Внизу подружки подхватили обеих, и все они кубарем кинулись к лестнице.

На улице были сирены пожарных машин, бежали к дому люди. Огонь распространялся быстро, горела уже не только крыша, но и верхний этаж. Вопреки всем законам физики пламя стремительно ползло по стенам вниз, готовясь через пару минут захватить в плен весь дом.

– А где девчонка? – внезапно спросила Веста, оглядываясь по сторонам.

– Какая девчонка? – не поняла Стрекоза.

– Шестая, которую я привела.

Только сейчас Инга поняла, что Бледной Моли нет с ними. Она вспомнила про Мелкую, потому что давно привыкла отвечать за нее, но никто не вспомнил про шестую девочку. Все синхронно повернулись к дому, понимая, что Бледная Моль осталась там.

– О боже, – выдохнула Пончик.

– Идем! – внезапно велела Стрекоза. – Сматываемся отсюда, пока нас не засекли!

Тратить время на разговоры не стали. Молча развернулись и бросились к лесу, где можно было укрыться от любопытных глаз соседей. Инга сжимала маленькую ладошку Мелкой и чувствовала, как незнакомый камень давит на грудь все сильнее и сильнее.

Глава 1

Бежать. Бежать нужно так долго, чтобы вместе со свистящим ветром из головы успели вылететь все мысли, оставляя место гремящей в наушниках музыке. Не останавливаться. Остановки для слабаков, а она давно не слабачка. Восемь километров, и ни сантиметром меньше. Летом будет десять, пока можно восемь. Только после этого можно будет пройтись. А пока бежать.

Элиза следовала этим правилам сколько себя помнила. Она по пальцам могла пересчитать те дни, когда ее утро не начиналось с пробежки. Даже переехав в этот богом забытый городишко, где, казалось, только она и бегала по утрам, не изменяла своей привычке. Час бега, затем контрастный душ, чашка кофе с двумя тостами – только так день может начинаться правильно. Затем макияж, прическа и работа, если день будний; уборка – если выходной. Вся ее жизнь подчинена четкому расписанию, понятным правилам. Изменения планов – в крайнем случае, форс-мажоры – почти никогда. По крайней мере, никогда больше.

Громкий сигнал в наушниках возвестил о преодолении рубежа в восемь километров, возвращая ее в реальность, но она не остановилась. Только не сегодня. Сегодня ей снова снился кошмар, в котором она горела заживо, видела, как вздуваются черные волдыри на коже, чувствовала отвратительный запах паленых волос. Проснувшись в холодном поту, закрученная в одеяло как в кокон, рыдала как ребенок, никак не могла успокоиться. С трудом доползла до ванной, держась за стену и то и дело заставляя себя вновь подняться с пола, куда ее роняли подгибающиеся ноги, долго стояла под ледяными струями воды, пока кожа окончательно не посинела, а тело не начала сотрясать крупная дрожь. Затем, не тратя времени на кофе (даже думать о чем-то горячем было страшно), вышла на пробежку.

Еще два километра, несмотря на октябрь.

Элиза замедлила бег, а через несколько метров перешла на шаг, стараясь дышать глубоко, но не останавливаться. Ноги приятно гудели, мыслей в голове почти не осталось, и ночной кошмар казался таким далеким, словно приснился в глубоком детстве. Прохладный душ завершит начатое, и она снова станет похожа на обычного человека. Сможет дожить до вечера.

Элиза взглянула на часы: 6.48. Несмотря на два лишних километра, она справилась на двенадцать минут раньше срока, поэтому до дома можно идти неторопливо, наслаждаясь утренней тишиной, которая уже через сорок две минуты сменится привычной суетой просыпающегося городка. Удивительно, но в этом маленьком месте все жило по четкому расписанию. Возможно, поэтому она и прижилась здесь?

Когда за поворотом уже показался ее дом: старое деревянное здание в три этажа – Элиза остановилась. Даже скорее замерла. Только что подошва кроссовка оторвалась от выщербленного тысячами ежедневных шагов асфальта, как тут же осторожно опустилась обратно. Что-то было не так. Легкий порыв октябрьского ветра скользнул перед носом, принес с собой неведомый, почти неслышный аромат дыма. Кто-нибудь другой и не услышал бы – и, справедливо-сти ради стоит отметить, что Элиза действительно была первой в городке, кто его почувствовал, – но ее нюх, настроенный на огонь и его производные столько, сколько она себя помнила, мгновенно уловил этот запах.

Элиза медленно обернулась вокруг своей оси, разглядывая сонные окрестности. Сердце гулко ударилось о ребра и замерло, готовое вот-вот снова сорваться в бешеный галоп. В четырехэтажном доме напротив, таком же сером и деревянном, как и ее собственный, светились почти все окна. Чуть дальше по улице, где домики были уже поменьше, в основном одноэтажные, редко – с пристроенной мансардой сверху, тоже было спокойно. Ни огня, ни черного дыма Элиза не заметила. Она закрыла глаза и снова втянула носом воздух, ощущая явную примесь дыма.

Хотелось бы ей вместо дыма почувствовать запах приближающегося дождя, но того уже давно не было, что казалось необычным для этих мест. Элиза жила здесь всего второй год, но помнила прошлую осень: холодную, промозглую, мокрую. Дождь лил весь октябрь почти не прекращаясь, земля напиталась влагой так, что выехать из города могли только внедорожники, а мэр издал указ двум тракторам постоянно курсировать по лесной дороге, чтобы вытаскивать всех застрявших водителей. И надо отметить, работа у них не заканчивалась круглые сутки. Горожане жаловались друг другу на погоду, и только Элизе она нравилась. Она выходила на пробежку на пятнадцать минут раньше, чтобы оставалось еще немного времени погулять под падающей с неба водой.

Этот год выдался значительно суше, дожди шли редко, и те, кто любил ходить на болото с западной стороны города, говорили, что оно совсем высохло. Даже грибов, которыми прошлой осенью были завалены все магазины и лавки, в этом году почти не было. Ночью над лесом толпились тучи, несколько раз молния даже ударила в землю где-то далеко за городом, но на высушенные улицы не упало ни капли.

Элиза подняла голову, мечтательно разглядывая черные грозовые тучи, и не сразу услышала приближающийся шум. Только когда что-то упало на землю за ее спиной, она вздрогнула и обернулась. На асфальте билась в предсмертных судорогах большая черная ворона. Несколько раз ударила сломанным крылом о землю и наконец затихла. Элиза скривилась от отвращения и направилась к своему дому. Эта мертвая птица показалась ей плохим знаком, и она торопилась домой: только там она чувствовала себя в относительной безопасности.

* * *

Антон Степанович Подгородцев вернулся домой в начале восьмого утра. Вечером затянулось совещание, а потом Никита Смоляков позвал его в сауну. Естественно, с девочками. Девочки у Никиты всегда были первосортными, поэтому отказаться Антон Степанович не мог. И где только Смоляков их берет? В этой глуши таких днем с огнем не сыскать. Впрочем, если учесть, что каждый раз они новые, наверное, откуда-то привозит, а затем увозит обратно.

Тяжело вздыхая, Антон Степанович вылез из большого автомобиля и, прикрываясь воротом дорогого пальто от внезапно поднявшегося ветра, направился к дому из красного кирпича. Здесь, за высоким забором, он чувствовал себя уверенно и не боялся завистливых взглядов, так портивших жизнь мэру города Лесной.

Лесоперерабатывающий завод на этом месте появился еще в конце девятнадцатого века. Поскольку рабочим нужно было где-то жить, чтобы не ездить далеко, очень быстро вокруг завода вырос и небольшой поселок, застроенный деревянными бараками. Из чего же еще строить дома, если не из того, что добываешь?

После войны, когда огромная страна вставала с колен и остро нуждалась в строительном сырье, завод расширился, а следом за ним и поселок с банальным названием Лесной превратился в небольшой городок. После распада СССР и завод, и город переживали не лучшие времена. Кто мог, уезжал поближе к цивилизации, оставались только самые отчаянные или те, кому некуда было ехать. В данный момент городок насчитывал что-то около десяти тысяч жителей.

Город, с трех сторон окруженный мрачным лесом, а с четвертой утопающий в болоте, выглядел одним из самых мрачных мест на Земле. А уж осенью, когда дождь не прекращался неделями, размывая и без того плохие дороги, серые тучи цеплялись за верхушки деревьев, Антон Степанович даже удивлялся, почему не возрастает количество самоубийств. Возможно, только потому, что люди, живущие здесь, привыкли к этой мрачности с рождения и не подвергались депрессии. Они находились в ней постоянно.

Антон Степанович приехал в Лесной двадцать пять лет назад. Сначала как директор завода, а уже после начал руководить и самим городом. Высокому начальству нравились его методы, при нем завод хоть и не вернул себе процветание, но, по крайней мере, и не утонул в болоте, а потому ему доверили и ключи от всего городка.

Став мэром, Антон Степанович не удержался от того, чтобы переехать в нормальное жилье. Дома в городке по большей части оставались деревянными, в основном одноэтажными, хотя в одном районе бывшие бараки и перестроили в несколько многоквартирных домиков. И все же Антону Степановичу хотелось чего-то поприличнее.

Обнесенный высоким забором, особняк из красного кирпича располагался на самой окраине города. Таким образом Антон Степанович хотел показать, что близок к народу и не пользуется своим положением, чтобы выбить себе участок где-нибудь в центре, хотя, на его взгляд, окраина эта была намного лучше центра. Отсюда совсем недалеко и до административного здания, где в том числе находилась мэрия, и до единственной более или менее хорошей дороги, ведущей из города. То есть куда бы ни понадобилось, на дорогу Антон Степанович тратил немного времени. Плюс сразу за его забором начинался тот участок леса, в котором не велись работы и не будут вестись еще ближайшие лет десять. А значит, он обеспечил себя и чистым воздухом, и уютной тишиной. И все это в минутной доступности от центра. Да и сам особняк не выглядел дешевым, *народным*. Тут уж Антон Степанович не смог себе отказать.

Как и не смог отказаться от красивого, ухоженного двора. За высоким забором все равно не проглядывались ровные дорожки, небольшой пруд с подсветкой, аллея из туй. В маленьком павильоне у пруда даже жил самый настоящий павлин – особая гордость Антона Степановича. Птицу пришлось везти под покровом ночи, дабы не вызывать лишних вопросов у населения.

В доме было тихо, только со второго этажа доносилась музыка: что-то тяжелое. Значит, проснулась Марийка, четырнадцатилетняя дочь от первого брака. Марийка находилась в том «прекрасном» подростковом возрасте, когда у человека сильно пополняется словарный запас и вырабатывается характер: на любое отцовское слово находится двадцать своих, на любое указание включается режим «сделай по-своему». Антон Степанович с пониманием относился к взрослению дочери, считая, что только так она сможет вырасти не такой тряпкой, какой была ее покойница-мать.

– Марийка! – крикнул он, с трудом опускаясь на пуфик, чтобы расшнуровать ботинки.

Возраст уже не позволял наклоняться так, как раньше, а объемный живот только добавлял проблем. Это все нервная сидячая работа! Инга, вторая жена, периодически намекала, что подарит ему абонемент на фитнес, но Антон Степанович только хмыкал в ответ. В их городке приличного зала нет, а ездить в соседний несколько раз в неделю, как это делает она, он не может себе позволить. Кто же будет дела решать, пока он тягает гантели?

В прошлом году, когда в Лесной только переехала новая учительница, Антон Степанович всерьез раздумывал, не начать ли ему бегать по утрам, как она. Это могло бы стать прекрасным примером для остальных жителей и добавило бы ему несколько очков у электората, заодно с самой учительницей поближе познакомился бы, но быстро отбросил эту идею. Бег по утрам красиво и вдохновляюще смотрится у таких вот молоденьких девиц с длинными ногами, упругой попкой и развевающимся на ветру «хвостом» из русых волос. Они даже потеют красиво. А что будет, если на пробежку выйдет он, мужчина пятидесяти семи лет, с объемным животом и пятнами подмышками уже после спуска по лестнице? Засмеют же. Да и учительница неприступна как Снежная Королева.

Антон Степанович каждый год лично приходил на линейку в единственной в городке школе. Во-первых, там училась его дочь, а во-вторых, он считал своим долгом направить учеников в светлое будущее и показать старому хрычу Макарычу – директору этого богоугодного заведения – кто тут на самом деле хозяин. Вот в прошлом году и заметил новую учительницу, даже пытался привычно познакомиться, но гордая красавица быстро дала понять, что такие

знакомства ее не интересуют. Так зыркнула из-под накрашенных ресниц, что Антон Степанович не рискнул повторять попытку. В конце концов, мало ли других, доступных? Да и не нужна ему связь в его же городе, потом сплетен не оберешься. И Инга проведает – съест. Это тебе не бесхребетная Марийкина мамаша, земля ей пухом. Не то чтобы Антон Степанович думал, будто Инга не знает о его саунах с девочками. Но одно дело – одноразовые подружки, другое – постоянная любовница. Да еще под боком.

Мысли Антона Степановича были прерваны спустившейся на первый этаж дочерью. Марийка, подавшаяся в отца огромным ростом и наличием лишнего веса, была еще в пижаме, но уже при боевой раскраске, выглядя на все двадцать лет.

– Ты почему еще не одета? – строго поинтересовался Антон Степанович.

Марийка только презрительно фыркнула.

– Потому что некому заниматься моим воспитанием. Ни отец, ни мачеха дома не ночуют.

Антон Степанович, уже шагнувший в сторону столовой, откуда доносились упоительные запахи свежей яичницы с беконом и тостов с клюквенным джемом, тут же остановился и обернулся к дочери.

– Инга не ночевала дома?

– Не-а!

Марийка обогнала его и первой вошла в столовую, где помощница по хозяйству Анна уже накрывала стол к завтраку. Антон Степанович проследовал за ней, задумчиво покусывая нижнюю губу. Это он мог позволить себе не ночевать дома, ссылаясь на срочные дела и затянувшиеся совещания, но Инге подобное поведение запрещалось, и она об этом прекрасно знала, никогда не позволяя себе нарушать правила.

– Куда она ушла? – поинтересовался он одновременно у дочери и прислуги.

Обе покачали головами, но если Анна – немного виновато, как будто лично не уследила за хозяйкой, то Марийку определенно веселила ситуация.

– Видимо, моя новая мамочка решила взять пример с папочки и тоже найти себе молоденького мужа.

Несносная девчонка! Никакого воспитания! Антон Степанович с силой стукнул кулаком по столу, так что на нем подпрыгнули расставленные тарелки. Анна вздрогнула, и даже Марийка насупилась.

– Ты что себе позволяешь?!

– А что такого? – надулась дочь. – Это же правда. Инка моложе тебя на двадцать четыре года, ты думал, она вечно с тобой будет? Ты небось уже и в постели не тот...

– Молчать! – рявкнул Антон Степанович, вскакивая из-за стола, что с его комплекцией сделать оказалось непросто, пришлось упереться раскрытыми ладонями в столешницу. – Вон в свою комнату! И сотри с лица эту краску, ты не индеец и не проститутка!

Марийка вскочила со стула гораздо резвее, несколько секунд сверлила отца рассерженным взглядом, как будто собиралась что-то сказать, но затем рванула с места, пролетев мимо со скоростью реактивного самолета.

– Ты бы счета проверил, может, она еще и обобрала тебя! – донеслось из прихожей, а по паркету застучали пятки: Марийка поднималась по лестнице.

Антон Степанович опустил обратно на стул, тяжело дыша и прижимая руку к внезапно заколовшему сердцу. Второй рукой он ослабил узел галстука и посмотрел на застывшую столбом Анну.

– Ну, чего стоишь? – рявкнул он, но из-за боли в сердце и усталости от бессонной ночи получилось скорее жалобно. – Клади завтрак.

Анна кивнула и тут же принялась накладывать яичницу из сковороды в тарелку, добавляя побольше бекона, как любил Антон Степанович. Он поморщился, видя скворчащую горку

жирного сала с прожилками мяса. Вкусно, зараза, но вредно. Где уж тут за молоденькими учительницами ухлестывать, не помереть бы. И доктор ему все время пеняет, и Инга...

Мысли о жене снова испортили настроение, уже было пошедшее вверх от вида и запаха жареных яиц.

– Инга когда ушла? – хмуро спросил он, уткнувшись в тарелку.

– Вчера еще уехала, – чуть заикаясь, доложила Анна. – До обеда. С тех пор и не возвращалась.

– Куда поехала, сказала?

– Нет. Когда ж она говорила, Антон Степанович? Может быть, в фонд...

– Понятно, – перебил прислугу Антон Степанович, но та не вернулась к плите, а продолжала стоять у стола, нервно сминая край блузки, словно хотела что-то сказать.

– Что еще?

– Павлин ваш...

Антон Степанович поднял голову и уставился на Анну.

– Что с ним?

– Я зашла покормить утром, а он... мертвый.

Вилка выпала из пухлых пальцев мэра, звонко ударившись о край тарелки.

– Ветеринара вызвала?

Анна покачала головой.

– Вы же велели никому не говорить, что у вас павлин есть. Да и без надобности ему ветеринар уже.

Антон Степанович собирался разозлиться, но его перебил звонок телефона, оставшегося в портфеле в прихожей. Анна без лишних напоминаний рванула к выходу из кухни, чтобы полминуты спустя вернуться с портфелем. На экране кнопочного телефона – Антон Степанович так и не смог справиться с новомодными смартфонами, от которых так пищит его дочь – светилось имя Никиты Смолякова, его зама.

– Антон Степанович, у нас ЧП, – непочтительно пропустив приветствие, объявил тот.

Снова кольнуло сердце. Что ж этому проклятому городу не живется-то спокойно? Сведет он его в могилу, того и гляди сведет.

– Что еще? – севшим голосом спросил Антон Степанович, мгновенно забывая и про пропавшую жену, и про счета, которые надо бы поверить, а даже про любимца павлина.

– Лес горит, – объявил Смоляков.

– Где?

– Где-то в районе Клюквенной заводи, точно пока неясно. Масштабы тоже непонятны. Связываемся с райцентром, пусть с вертолетов смотрят. Но с таким ветром огонь быстро разнесется, хлебом еще горя.

Антон Степанович положил телефон на стол, даже не отключаясь, и с сожалением посмотрел на недоеденную яичницу. Нет, не дадут они ему покоя, никак не дадут!

* * *

Едва ли у человека, способного позвонить другому в половине восьмого утра в середине октября, когда за окном еще толком не рассвело, есть совесть. А уж если ее нет, то накрывать голову подушкой в надежде на то, что проклятый телефон замолчит и даст еще немного поспать, нет никакого смысла, поэтому Максим Васильев вытащил из-под одеяла руку, не глядя схватил с тумбочки мобильный телефон, поднес его к уху и что-то невнятно промычал.

– Я тебя разбудил? – послышался в трубке смутно знакомый голос.

Точнее, голос наверняка очень знакомый, но сонный мозг в отчаянной надежде по-быстрому отделаться от непрошенного абонента отказывался его идентифицировать.

«Нет, я уже успел облиться холодной водой, пробежать десять километров и испечь свежих булочек на завтрак», – мысленно проворчал Максим.

– Угу, – вслух ответил он.

– Ну извини! – безо всякого смущения радостно оповестил все еще не узнанный абонент. – Последние новости не слышал?

– Когда я сплю, я глух и нем.

– Лес горит! Говорят, возле Клюквенной заводи полыхает вовсю.

Максим нехотя стащил одеяло с головы и поморщился от дохнувшего ему в лицо прохладного воздуха: он опять не смог заставить себя встать ночью, чтобы подкинуть дров в печь, отчего та давно погасла, и дом совсем выстыл. Звонивший все еще продолжал болтать, рассказывая, где именно и как сильно горит лес, и Максим наконец узнал его: Дмитрий Стрельников – единственный человек в этом городе, кого он мог назвать своим другом и не покривить при этом душой. Несмотря на внешнюю клоунаду, Дима был до омерзения тактичным человеком и никогда бы не позволил себе разбудить другого в такую рань по несущественному поводу.

Пожар пока не казался Максиму таким поводом, тем более Клюквенная заводь находилась далеко от его дома, и едва ли ему в ближайшее время что-то угрожало. Тем не менее он встал и, завернувшись в одеяло, подошел к окну, поджимая пальцы ног, чтобы не ступать всей ступней на ледяной пол. Если в воздухе только пахло холодом, то на полу он ощущался во всей красе. Сотый раз за семь лет в этом доме Максим подумал, что надо бы купить ковер хотя бы в спальню. Или подсобрать денег и развести по всем комнатам батареи. В ванной стоял электрический котел, греющий воду, а потому можно наладить отопление, но цена радиаторов, умноженная на их необходимое количество, выливалась в приличные деньги, которые всегда требовались на что-то другое.

Его дом стоял на краю города, лес подступал к самому забору, то и дело норовя перешагнуть его, поэтому даже летней ночью из окна почти ничего не было видно, а в середине осени и подавно. Темные силуэты деревьев проступали на фоне медленно светлеющего неба, красно-оранжевого зарева огня отсюда он не увидел.

Вообще пожары в этой местности не были редкостью. Город был окружен лесом, даже несколько дорог из него, и те пролегали через лес, а с западной стороны начинались огромные болота с залежами торфа, поэтому почти каждое лето горели и торфяники, и сам лес, но все же не в середине октября, пусть и выдавшегося на удивление сухим. Порой Максим удивлялся, насколько неприветливой и угрюмой выглядела эта местность, как не любил город своих жителей и как стремился избавиться от них, вычесывая, как блохастая собака.

– Я звонил Семенычу, – тем временем вещал Дима, – он говорит, похоже, поджог. Горит в трех местах. Ночью была сухая гроза, но чтобы в трех местах ударило – маловероятно. Что, кстати, тоже странно. Сухая гроза обычно при очень жаркой погоде, а ночью всего +5 было, заморозки скоро.

Максим вытащил из-под одеяла вторую руку, отчего то скользнуло вниз, обнажая плечи, вытащил защелку и приоткрыл окно. Терпкий запах дыма уже ощущался в воздухе, а к обеду наверняка разнесется по всему городу. Что-то еще показалось ему странным, но что именно, он не мог понять. Снова задвинул щеколду и отошел от окна, теперь уже поставив одну ногу на другую, но теплее от этого не стало.

– Это ведь еще не все, ради чего ты позвонил? – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнес Максим, ища взглядом тапки.

– Ага! – снова отозвался Дима, но на этот раз в его голосе сквозили совсем другие нотки: как будто ему не нравилось то, что он должен сейчас сказать.

– Ну? – поторопил его Максим.

– Мы задержали троих подростков в лесу, сейчас допрашиваем, есть вероятность, что они и подожгли. Среди них Алиса Самойлова.

Максим вслух застонал. Алиса Самойлова была лучшей подружкой его пятнадцатилетней дочери Яны. Если Алиса была ночью в лесу, велика вероятность, что там же была и Яна. И даже тот факт, что ровно в десять вечера дочь пожелала ему спокойной ночи и ушла в свою комнату, ничего не значил. Сбежать через окно было не так уж и сложно. А если учесть, что он почти до часу ночи работал в мастерской, она вполне могла выйти незамеченной и через дверь.

Прощавшись с Димой, Максим стащил со стула потертые джинсы, кажется, привезенные еще из Питера, в которых обычно ходил дома, и собрался выйти из спальни, как вдруг понял, что именно казалось ему странным на улице. Он торопливо вернулся к окну и распахнул одну створку, убеждаясь, что не ошибся: на кусте сирени, росшей у забора, расцвело несколько гроздьев белоснежных цветов.

Как такое может быть в октябре? Сухом, но довольно прохладном! Да и не было вчера ни единого признака того, что куст собирается зацвести. Максим высунулся в окно и дотянулся до ближайшей ветки. Нет, это не обман зрения и не глупая фантазия сонного мозга: в нос ударил ни с чем не сравнимый запах сирени.

Максим снова закрыл окно, вышел из спальни, но вместо комнаты Яны направился в ванную. Необходимо плеснуть в лицо холодной воды, чтобы привести мысли в порядок.

Даже хорошо, что Дима разбудил его, будет правильно приготовить дочери завтрак и отвезти в школу. Если, конечно, она согласится. Обычно Яна соглашалась только в трескучие морозы и проливной дождь, все остальное время считая, что она уже достаточно взрослая и отцу необязательно возить ее в школу. Тем более по вторникам, когда первым уроком у них стояла физкультура, на которую она не ходила из-за врожденного порока сердца.

Яна жила с ним уже пять лет. Точнее, когда-то они все жили вместе, но затем Варя, мать Яны и его жена, забрала дочь и ушла. На то у нее, конечно, были причины, но Максим не любил вспоминать о них: слишком тяжело. Яне тогда было восемь. И ей было десять, когда Максим забрал ее в аэропорту соседнего городка. Маленькую, напуганную, с огромным чемоданом, который она не могла сдвинуть с места несмотря на четыре колеса. Именно такой, маленькой десятилетней девочкой, она до сих пор для него оставалась, хоть он и понимал, что ей давно не десять, она не ребенок. Конечно, ей еще далеко до взрослой девушки, но она уже подросток, со своими требованиями и своим характером. К сожалению, вобравшим все худшее от обоих родителей: его гордость, граничащую с упрямством, и взбалмошность Вари. Впрочем, вполне вероятно, что пройдя переходный возраст, она уюмонится. А если уж быть совсем честным, она и сейчас доставляла не так много хлопот.

Раковина в ванной неожиданно оказалась выпачкана чем-то черным. Максим несколько долгих секунд разглядывал пятна, затем потрогал их пальцами, а потом наклонился и понюхал. Пятна пахли перекисью водорода, выдавая краску для волос. Коробочка от краски нашлась здесь же, в мусорном ведре. Максим тяжело вздохнул. Кажется, от его хрупкой блондинки-дочери с прозрачной кожей осталось одно только имя.

Быстро умывшись, он направился к ней в комнату, постучал и осторожно открыл дверь. Над кроватью Яны висела новогодняя гирлянда, которую она использовала вместо ночника, а в кресле у окна сидел огромный плюшевый медвежонок, которого Максим подарил ей на первый день рождения в этом городе. Медвежонок стоил примерно треть его месячного дохода, но он так понравился Яне, которая половину дня провела в слезах от того, что мама не приехала, хотя обещала, и Максим не выдержал. Тогда они оба еще не знали, что мама больше так и не приедет, несмотря на все свои бесконечно даваемые обещания.

Яна спала на кровати, слишком большой и широкой для нее одной, свернувшись клубком и накрывшись не только большим одеялом из лебяжьего пуха, но и толстым шерстяным пледом в красно-оранжевую клетку. Бывшие когда-то почти снежно-белыми, а теперь неровно покрашенные в черный цвет пряди разметались по подушке.

Максим подошел к окну, чтобы проверить, заперта ли щеколда, и зацепился взглядом за небольшой туалетный столик, где, кроме все прочего, теперь лежал маленький тюбик красной помады. Никогда раньше ему не приходило в голову, что стоит, наверное, уже начать выделять дочери несколько больше карманных денег, чтобы хватало и на косметику. Он еще помнил, с каким трудом пережил тот позор, когда мать Алисы однажды выловила его и строгим шепотом сообщила, что его дочь – уже не маленькая девочка, и ему следует контролировать наличие у нее средств гигиены, необходимых всем женщинам. Видя, как он смутился и покраснел, она смягчилась и добавила, что обо всех необходимых вещах просветит девочек сама. Наверное, он потому и не возражал против дружбы Яны с Алисой, как бы ни считал, что последняя плохо влияет на его дочь. Так, по крайней мере, у Яны было кому задать все те вопросы, которые девочки обычно задают матерям.

Да уж, так себе из него вышел отец...

Словно почувствовав чужое присутствие в своей спальне, Яна зашевелилась и села на кровати, сонно потирая глаза.

– Пап? – удивленно протянула она. – Ты что здесь делаешь?

– Проверяю, не выходила ли ты ночью гулять через окно, – честно признался Максим.

Возможно, не слишком правильно было говорить это, но он считал, что учить дочь всегда говорить ему правду следовало, подавая ей такой же пример.

– Что-о? – мгновенно распахнула глаза Яна.

– Стрельников звонил, ночью в лесу поймали несколько подростков, твоя Алиса была среди них. Хочу убедиться, что ты в этот момент спала в своей постели. – И, заметив гневный взгляд дочери, добавил: – Кто-то поджег ночью лес. Если ты была там, мне лучше узнать об этом сейчас.

– Меня там не было.

– Точно?

– Мне показать тебе свои ботинки? Я еще с вечера помыла их и поставила сушиться.

Максим вздохнул.

– Я тебе верю. Просто... волнуюсь. Не хочу, чтобы ты попала в неприятности.

Яна снисходительно улыбнулась.

– Я слишком умная для этого.

Максим еще несколько долгих мгновений разглядывал ее лицо, а затем тоже улыбнулся.

– Ты покрасила волосы?

Она кивнула, почему-то смутившись. И это смущение невероятно обрадовало его: по крайней мере, она все еще не до конца отбилась от рук.

– Мне надоело быть безликой мышью. Правда, получилось не очень.

Максим подошел ближе и зажег лампу на прикроватной тумбочке. Волосы были покрашены пятнами и полосами. Внешностью Яна пошла в мать, но если та предпочитала поддерживать образ блондинки, то дочь, видимо, захотела другого.

– Если тебе теперь нужно немного больше денег, ты можешь мне сказать, – мягко произнес он, приподняв над ее головой одну прядь. – Мне, конечно, не нравится, как разукрашивает себя твоя Алиса, но я понимаю, что ты не хочешь чувствовать себя белой вороной среди друзей.

Яна несколько секунд смотрела на него, а затем рассмеялась.

– Ну, теперь-то уж белой я точно не буду. Приготовишь мне завтрак?

– Конечно.

Максим немного неловко погладил дочь по голове и направился к выходу. Лишь когда за ним закрылась дверь, Яна облегченно выдохнула. Слава богу, отец не стал проверять ее ботинки. Она ни минуты не верила в то, что лес действительно подожгли ее друзья, но наверняка не знала, поскольку ушла раньше всех, еще двух часов не было. Но попробуй докажи это

отцу. А если он увидит грязь на ее ботинках, в жизни ей больше не поверит. Как хорошо, что она всегда обыгрывала его в покер, обыграла и в этот раз.

Глава 2

Ровно в 7.55, как и каждый будний день, Элиза переступила порог школы. Она приходила всегда в одно и то же время вне зависимости от того, был у нее первый урок или нет. Сегодня его не было, однако работы с документами, журналами и тетрадями учителям всегда хватает, а она, в отличие от коллег, домой ничего не брала. Дома у нее были другие заботы. Завистники шептались, что у «англичанки» просто мало нагрузки, попробовала бы она со всем справляться в школе, если бы вела математику или русский язык, но Элиза точно знала, что все дело в правильном распределении времени. Она не отвлекалась на бесконечные чаепития, не мыла кости физруку, который вчера ушел домой с химичкой, не обсуждала новую прическу завуча, поэтому успевала сделать работу там, где ее нужно делать.

Этому ее с детства приучили родители-спортсмены. Отец был успешным биатлонистом, мама – лыжницей. С пеленок ее день был подчинен строгому графику, все делалось по расписанию. Саму ее с шести лет отдали в секцию синхронного плавания, поэтому спортивный режим и ей был не чужд, хоть и отчаянно не соответствовал характеру.

В глубине души Элиза любила свободу. Хотела вставать тогда, когда выпалась, ложиться, когда слипаются глаза. Однажды собрать рюкзак и рвануть в путешествие, никому не сказав, куда уехала и когда вернется. Стоять на вершине самой высокой горы и смотреть вниз, на расстилающиеся перед ней бескрайние поля, усыпанные цветами. Вдыхать полной грудью свежий воздух, кричать во все горло, зная, что никто не услышит, позволять ветру взметать вверх распущенные волосы. Быть свободной.

Но каждый раз, когда она представляла себе эту картину, все заканчивалось одинаково: в ее мысли врывается проклятый огонь. И вот она уже смотрела на горящую траву, на едкий дым, устилающий долину внизу. На вспыхивающие как свечки тела животных и птиц. И эта картина внезапно приносила еще большее удовольствие. Это пугало Элизу, пугало по-настоящему, поэтому она никогда не сопротивлялась желанию родителей втиснуть ее в узкие рамки расписаний и правил. Без удовольствия, но она соблюдала их. Сорвалась лишь один раз, когда родители внезапно погибли под лавиной.

К тому времени с профессиональным спортом она завязала. К сожалению, генетический материал в данном случае дал сбой, и хорошей пловчихи из нее не вышло. Она продолжала каждый день ходить в бассейн, но уже исключительно для себя, училась в лингвистическом университете, и без строгих родителей, контролирующих ее расписание, дала слабину. Ничем хорошим это не закончилось, и когда перед ней встал выбор: в тюрьму, могилу или в этот город, она без колебаний выбрала город.

В учительской стоял такой гвалт, который бывает не в каждом классе. Детей в школе еще почти не было, зато учителя собрались в полном составе.

– А я вам говорю, что не могла Самойлова это сделать! – с жаром доказывала кому-то Елена Петровна, учительница физики. Кому именно, Элиза не видела: глубоко беременная двойней Елена Петровна полностью закрывала собеседника.

– Откуда вам знать, Леночка, – раздался из угла скрипучий голос трудовика. – Современная молодежь и не на такое способна.

– Потому что я хорошо знаю ее мать! Добрейшей души человек, мухи не обидит!

– Так ведь никто и не утверждает, что это сделала Самойлова-старшая, – насмешливо заявила со своего места Оксана Валерьевна, преподавательница музыки. – А Алиска, я вам скажу, и не на такое способна. Та еще оторва.

– Доброе утро! – перебила спор Элиза, входя в кабинет и закрывая за собой дверь.

Весь учительский состав тут же повернулся к ней, хотя обычно большинство коллег ограничивались лишь прохладным «Доброе» в ответ.

– Лизонька, вы уже слышали наши последние новости?

Элиза кивнула, в этот раз умудрившись даже не поморщиться. «Лизу» она прощала только старому трудовику, и то потому что он порой путался даже в собственном имени. Чего еще ожидать от старика, восьмидесятилетие которого в прошлом году отмечала вся школа? Остальные еще в первую неделю ее работы запомнили, что зовут ее Элизой, хотя она и слышала презрительное «Лизка» за спиной. Впрочем, это было еще не самое обидное прозвище, а Элиза давно научилась на них не обижаться. Если тебе плюют в спину, значит, ты впереди, как любил говорить ее отец.

– Если вы о лесном пожаре, Георгий Дормидонтович, то слышала, – ответила она, проходя к большому шкафу, чтобы повесить верхнюю одежду.

Конечно же, она слышала. Не было ни одного шанса не услышать. В городке тянула только одна местная радиостанция, глухой лес забивал все остальное, и та с самого рассвета вещала о пожаре. Элиза и предпочла бы не слышать, поскольку любое упоминание об огне причиняло ей почти физическую боль, но деться от новостей было некуда. Запах, учуянный ею на пробежке, не был галлюцинацией после ночного кошмара.

– Полиция задержала нескольких подростков в лесу этой ночью, – доложила Оксана Валерьевна. – Алиса Самойлова среди них. Как думаете, могла она участвовать в поджоге?

Элиза не сразу поняла, что вопрос обращен к ней. Лишь повесив пальто в шкаф и обернувшись, она увидела, что коллеги смотрят на нее.

– Откуда мне знать? – удивилась она.

Вопрос на самом деле показался ей странным. Алиса Самойлова училась в десятом «А», где Элиза два раза в неделю вела английский, да иногда заходила на факультатив за компанию с лучшей подругой Яной Васильевой. Больше они нигде не пересекались, и едва ли Элиза могла быть той, кто знает Алису лучше других.

– Ну, – Оксана Валерьевна пожала плечами, – ученики вас любят и доверяют вам.

– Если вас на самом деле интересует мое мнение, то пока полиция этого не доказала, Алиса не может быть виноватой.

Оксана Валерьевна только фыркнула. Похожие звуки издали еще несколько человек, к Элизе тут же потеряли интерес, и она смогла спокойно продолжить переобуваться, однако следующие слова коллег заставил ее напрячься и начать снимать ботинки гораздо медленнее, прислушиваясь к тому, что они говорили.

– Все это напоминает девяносто шестой год, – сказал Георгий Дормидонтович. – Тогда тоже лес горел страшно. Больше недели горел, пол-Березовки выгорело.

– Это не в девяносто шестом было, а в девяносто третьем, – возразила ему Светлана Михайловна. – Я тогда только-только сюда работать пришла.

Элиза, наверное, и решила бы спросить, о каком пожаре они говорят, если бы ее не опередила Елена Петровна, которая тоже приехала в этот город позже и пожара не застала:

– О каком пожаре вы говорите? – с жадной настоящей сплетницы поинтересовалась она.

– Так вот я и говорю, – повторил Георгий Дормидонтович, – в девяносто шестом году...

– В девяносто третьем! – не унималась Светлана Михайловна. Старую «русичку» не так-то просто было сбить с толку.

Георгий Дормидонтович снисходительно закивал.

– Ну хорошо, пусть будет в девяносто третьем. – В его глазах, обращенных к коллегам, читалась явная насмешка. Светлана Михайловна недовольно поджала губы, но ничего на этот тон отвечать не стала, и дальше рассказ полился без остановок. – Лето на дворе стояло, сухое, жаркое. В Корнелях несколько домов сгорело, власти даже запретили костры жечь, хотя у нас и так всегда опасались этого дела, лес же рядом, торфяники – страшно. И однажды вечером пришла весть: загорелся лес! Сначала думали, то ли костер кто-то разжег, то ли просто папиросу бросил. Их же учишь, учишь, а порой взрослые хуже малых. Но вскоре разобрались, что

от дома все началось. Прямо на окраине леса барак стоял старый, три семьи там жили. Две спаслись, а одна сгорела.

– Три человека, – встала Светлана Михайловна. – Мать, отец и маленькая дочь. Годика три девочке было. Возможно, с их квартиры все и началось.

– Шесть ей было, а не три, – поправил Георгий Дормидонтович. – В школу пошла бы уже осенью. И началось не с квартиры, а с чердака. Огонь так разошелся, что еще пять домов сгорело, леса прилично выгорело. Только через неделю потушили. Весь город в дыму был, кто мог – уехал, пока не выветрилось. У нас же здесь от сквозняков все защищено.

Георгий Дормидонтович вздохнул и мечтательно прикрыл глаза, как будто вспоминая. Уже едва ли пожар, скорее, времена своей молодости.

Лишь когда его голос стих, Элиза поняла, что все это время почти не дышала. Она не слышала раньше эту историю, хотя жила в городке уже больше года. Как всегда, любое упоминание об огне заставило сердце биться чаще и жадно вслушиваться в слова. Это походило на своеобразный гипноз: и слушать страшно, и не слушать невозможно.

– Да уж, огонь – самая страшная из стихий, – тяжело вздохнула учительница биологии Анастасия Павловна. – Ничего живого после себя не оставляет, ничего живого в себе не несет. В воде, в воздухе, в земле – везде есть жизнь, и только в огне нет ничего, кроме смерти.

Элиза не сразу сообразила, что звук, заставивший ее вздрогнуть, издал выпавший из ее же рук ботинок. Она торопливо запихнула в шкаф уличную обувь и, ни на кого больше не глядя, поторопилась к двери, где нос к носу столкнулась с как раз вошедшей Ариной: той самой химичкой, которую обсуждали в учительской всю последнюю неделю.

– Ой, Элиза! – воскликнула та. – Хорошо, что я тебя застала. Тебя Колченогая к себе зовет.

Элиза кивнула, почти не расслышав ее слов, протиснулась мимо коллеги и почти бегом бросилась по коридору.

* * *

Кабинет завуча по учебно-воспитательной работе Колчановой Людмилы Арсентьевны по прозвищу Колченогая представлял собой весьма необычное зрелище. Начать следует с того, что располагался он на первом этаже школы, в то время как вся остальная администрация предпочла занять кабинеты на втором этаже, и выходил окнами прямо на школьное крыльцо. Это позволяло Колченогой отслеживать опаздывающих на занятия учеников и учителей, чтобы в конце дня устроить им выволочку. Злые языки поговаривали, что для этих целей у нее была специальная тетрадка, куда она тщательно записывала каждую мелочь, хотя на самом деле Людмила Арсентьевна всего-навсего обладала прекрасной памятью и не нуждалась в записях.

Сам кабинет имел компактные размеры. В центре стоял потрепанный письменный стол, на котором всегда царил идеальный порядок, подчеркивающий строгость своей хозяйки. Любой, кто видел этот стол, понимал: с Колченогой шутки плохи. Даже когда она составляла расписание уроков на четверть (кошмар любого завуча по учебно-воспитательной работе), перед ней лежал только большой белый лист ватмана и карандаш, что еще раз подтверждало ее удивительную память и отсутствие необходимости пользоваться пометками. В обычные же дни на столе, кроме телефона и ежедневника, ничего не было. Колченогая не пользовалась даже компьютером. Директор сначала пытался настоять на этом, но затем махнул рукой, принимая от нее единственной записки и отчеты, составленные от руки.

Прозвище свое Людмила Арсентьевна получила не только благодаря фамилии. В еще довольно молодом возрасте она начала сильно толстеть, но не совсем обычным способом: вес набирала только нижняя часть тела. А врожденная аномалия позвоночника сделала так, что к своим шестидесяти годам она приобрела форму неправильной груши: массивная нижняя

часть тела немного отходила назад, а тонкая верхняя – вперед. Из-за этого походка напоминала походку утки: завуч шла, покачивая широким задом из стороны в сторону и прихрамывая на обе ноги.

Колченогая никогда не была замужем, не имела детей и искренне ненавидела и учениц, и учительниц, особенно молодых и красивых. Впрочем, те отвечали ей взаимностью. И если ученицы встречались с ней в лучшем случае раз в неделю, поскольку вела Колченогая мало кому нужную географию, то учительницам доставалось по полной программе.

Больше всего из школьного коллектива Колченогая ненавидела двух преподавателей: Екатерину Андреевну, преподававшую математику и имевшую на свою беду мужа и троих малолетних детей уже в двадцатисемилетнем возрасте, и учительницу английского языка Елизавету Николаевну. У второй хоть и не было ни мужа, ни детей в ее двадцать шесть, зато она обладала длинными ногами, точеной фигурой, тонкими чертами лица, большими зелеными глазами и крайне привлекательным лицом в целом. Всем тем, чего Колченогая не могла простить ни одной женщине.

Сама Элиза Колченогую никогда не боялась. На все ее выпады отвечала отстраненно-вежливо, не грубила в ответ, но и не заискивала. С первого же дня в школе она поняла, что расположения завуча ей не добиться, смирилась с этим спустя ровно полторы минуты и все слова пропускала мимо себя, не погружаясь в них. Это она умела хорошо, тренировалась много лет.

И тем удивительнее оказалось сегодняшнее утро, когда она, выпив залпом почти полбутылки воды, которую всегда носила в сумочке, постучала в дверь завуча.

– Проходите, Елизавета Николаевна, – почти приветливо улыбнулась Колченогая.

Сразу было заметно, что эти тонкие губы не привыкли улыбаться, поэтому походили на двух ядовитых змей, сложившихся таким причудливым образом, что нечаянно напомнили улыбку, но чуть зазеваешься – укусят. Одета завуч была как всегда в длинную черную юбку и такую же блузку. Аккуратно уложенные в старомодную халу волосы тоже выкрашены в черный цвет. Впрочем, иногда Элиза думала, что в этом городе рано или поздно все становятся похожи на ведьм. Темные, мрачные, вечно всем недовольные. Она вполне допускала, что если останется здесь на несколько десятков лет, и сама станет такой же.

– Чай, кофе? – предложила Колченогая.

Элиза удивленно подняла бровь. Подобное гостеприимство было не в стиле завуча. Разве что ее маразм перешел на следующий уровень и к чаю прилагался цианистый калий. Она отрицательно покачала головой, чувствуя на себе пристальный взгляд Колченогой и втайне ожидая очередного замечания ее стилю одежды. Элиза не позволяла себе надевать в школу ни джинсы, ни юбки выше колена, но завуча это никогда не останавливало. То ее юбка была слишком узкой, подчеркивая бедра, то каблук слишком высокими, то блузка чересчур открывала грудь.

– Спасибо, я завтракала, – ответила Элиза, садясь на стул. – Что-то случилось?

Прежде, чем ответить, Колченогая все же открыла буфет и вытащила оттуда две чашки из своего «парадного» сервиза, чем удивила Элизу еще сильнее. Об этом сервизе по школе ходили целые легенды. О его существовании все знали только от уборщицы Нади, вживую никто не видел. Завуч всегда пила чай из серой щербатой чашки, в которой раньше подавали напитки ученикам в школьной столовой, а уж посетителям своим никогда ничего не предлагала.

Разлив по двум нарядным чашкам светло-рыжий чай, Колченогая поставила одну перед Элизой, вторую взяла себе и села напротив.

– У нас ведь беда, Елизавета Николаевна, – с притворным вздохом начала она.

Элиза внимательно посмотрела на нее, не притронувшись к чашке. Интуиция подсказывала ей, что Колченогая имеет в виду вовсе не лесной пожар, о котором, казалось, говорит уже весь город. Тон завуча ясно давал понять, что *беда* эта ее нисколько не трогает. Скорее вызывает сплошное злорадование. Однако чай из парадных чашек говорил, что произошло нечто неординарное.

– Что случилось? – повторила Элиза.

Завуч вздохнула.

– Марина Петровна наша, кажется, снова сорвалась. Наверное, придется уволить.

Элиза даже не удивилась. Марина Петровна Соболева, одна из двух школьных учительниц русского языка и литературы, была запойной алкоголичкой, которую по непонятной причине покрывал весь школьный коллектив. На Элизин взгляд уволить ее следовало еще тогда, когда она позволила себе явиться на урок десятого класса в состоянии полной невменяемости, но вместо этого ее отвели в подсобку, уложили спать, а детям сказали, что ей нездоровится. Как будто кто-то из них в это поверил.

Все прошедшее лето Соболева проходила лечение от алкоголизма и в сентябре явилась на работу, полностью «завязавшей». Элиза никогда не верила в то, что она не сорвется. Алкоголики, как и курильщики, никогда не бывают бывшими, она это хорошо знала. И вот не прошло и двух месяцев...

– А зачем вы сообщаете это мне? – не поняла она, едва сдержав «вам нужно мое разрешение?» Колченогая подобных выходов не простила.

– Уроки русского языка и литературы крайне важны для учеников. А в середине учебного года очень сложно найти учителя, вы же понимаете, какая у нас складывается ситуация.

Элиза понимала. И даже понимала, почему вызвали ее. Колченогой нужно раскидать образовавшиеся часы на всех учителей, и она – одна из подходящих. Она вела только английский язык и, по сути, была одной из самых свободных учительниц в школе, чем вызвала неизменную зависть среди более загруженных коллег. Но правда состояла в том, что ей вовсе не нужна была дополнительная нагрузка. Она в совершенстве знала четыре языка, и работа в школе составляла не самый большой процент ее дохода. Гораздо большие деньги приносили занятия репетиторством по Скайпу. Благо в последнее время этот способ обучения набирал обороты, и занятия можно было вести даже из такой задницы мира, как их городок. Если брать дополнительные уроки в школе, придется отказываться от кого-то из учеников. Но самое главное – нарушать привычное расписание.

– Понимаю, – кивнула она, делая вид, что не прочла между строк того, что последует дальше.

– Определенную часть нагрузки взяла на себя Светлана Михайловна, – продолжила Колченогая, – но вы ведь понимаете, что русский язык – это не география, которая у классов раз в неделю, на одного учителя много не повесишь.

– Понимаю, – снова кивнула Лиза.

– Еще мы вызвали Маргариту Филипповну.

Маргарита Филипповна Поликарпова преподавала в школе без малого тридцать пять лет и лишь год назад была торжественно отправлена на пенсию.

– Но она пенсионерка и сердечница, не потянет все классы Марины Петровны. Это и так большая часть нагрузки. И все же у нас остались еще некоторые классы.

Колченогая снова замолчала, пристально глядя на Элизу. Наверное, ждала, что та сейчас сама предложит свою кандидатуру. Элиза тоже молчала.

– Я боюсь, вам придется взять как минимум два класса, – наконец закончила завуч.

– Это совершенно исключено, – все так же ровно ответила Элиза. И хоть голос ей удавалось контролировать, ладони пришлось зажать в коленях.

– Только на время, пока мы не найдем замену Марине Петровне. Естественно, за дополнительную оплату.

– Я не нуждаюсь в деньгах.

То, что сказала это зря, Элиза поняла, еще не успев закрыть рот. Она ведь уже давно знала, что в этом городке не стоит кичиться своим материальным положением. Даже мэр отчаянно и бесполезно пытался сделать вид, что он гораздо беднее, чем есть на самом деле, уж

ей-то, простой учительнице, и вовсе следовало держать рот на замке. Весь городок жил за счет одного лесоперерабатывающего завода, который устарел уже тогда, когда был построен, а потому большую часть года приносил одни убытки. Людям только несколько лет назад перестали задерживать зарплаты, но даже регулярные, они все равно оставались скромными. Кто мог – держал огород. Впрочем, сама Элиза считала, что дело вовсе не в этом. Просто такой уж был тут народ: все сидят в дерьме, и ты сиди, ишь, чего удумала, уроки по Скайпу дает, деньги лопатой гребет, еще и напоказ выставляет. И это они еще не знали про родительскую квартиру в Праге, сдача которой тоже приносит неплохой доход.

Элиза не выставляла свое финансовое положение больше, чем было необходимо. Она не носила серьги с бриллиантами, жила в обычной двухкомнатной квартире в старом деревянном доме и не парковала под окнами Мазератти. Но все же существовал тот уровень комфорта, которым она жертвовать не собиралась даже в угоду жителям городка: в ее квартире был современный ремонт, дорогая бытовая техника, летом она ездила отдыхать, раз в две недели посещала салон красоты в соседнем городе и носила исключительно хорошие фирменные вещи. И все же презрительное «калоша» иногда летело ей в спину. Ее родители были родом из этого города, но еще в юности уехали в областной центр, а в середине девяностых их пригласили в Чехию. Хорошие спортсмены были нарасхват. Вернувшись сюда, Элиза сразу получила прозвище «чешка», несмотря на идеальный русский в своей речи. А уж вслед за «чешкой» появилась и «калоша». Преимущественно от женщин. Мужчины-то провожали ее совсем другими взглядами и словами.

– И все же вам придется взять дополнительные уроки, – холодно заметила Колченогая. Она уже поняла, что по-доброму с Элизой не договорится, несмотря ни на улыбки, ни на чай из парадных чашек.

– Я преподаю английский, а не русский, – предприняла последнюю попытку Элиза. – И у меня факультатив.

– Факультатив можно и отменить. И вы лингвист. Справляетесь с английским, справитесь и с русским. В конце концов, вы же русская. Даже учительница истории взяла себе несколько уроков. В общем, на вас десятый «А». Изучите его расписание.

Колченогая недвусмысленно посмотрела на нее, давая понять, что дальше можно не возражать. Элиза кивнула, радуясь уже хотя бы тому, что на нее повесили один класс, а не два, как собирались сначала. Тем более десятый «А» ей нравился.

– И еще кое-что, – голос Колченогой изменился, в нем проступил гораздо более привычный арктический холод, и Элиза поняла, что дальше последует что-то не слишком приятное. Хотя куда уж более?

– Что?

Колченогая вытащила из ящика стола какой-то снимок и положила его на стол. Элиза мгновенно узнала и себя, и место, где фотография была сделана. В субботу они с Викой и Катей, ее подругами, ездили в соседний город в клуб. Порой они позволяли себе подобные вылазки, чтобы отдохнуть и расслабиться, выпить по коктейлю, немного потанцевать и пофлиртовать с мужчинами. В их городке было всего одно подобное заведение, и то давно облюбовали лица на десяток лет их младше.

Элизе не казалось это чем-то предосудительным. Она не валялась пьяной под забором, не танцевала у шеста полуголой и не целовалась на виду у всех с незнакомыми мужчинами. Но Колченогая видела это в несколько другом свете.

– Я ведь уже говорила вам о недопустимости подобного поведения, – голосом, которому мог бы позавидовать февральский мороз, заметила она. – Вы ведь преподаватель! На вас смотрят дети!

– И что плохого они увидели? – Элиза недоуменно подняла бровь, еще сильнее сжимая коленями ладони. В тот вечер на ней было даже не платье, к длине которого можно было бы

придаться, а джинсы и футболка, причем не самого откровенного покроя, а в руках она держала бокал с «Маргаритой». Никакого яркого макияжа, Элиза всегда красилась строго, подчеркивая тонкие черты лица, никакой вызывающей одежды и текилы рядом. – Это во-первых. А во-вторых, если дети видят меня в час ночи в ночном клубе в соседнем городе, вам не кажется, что это проблемы их родителей, а не мои?

Колченогая задыхнулась от возмущения, некрасиво открыла рот, но так ничего и не смогла сказать.

– Я могу идти? – холодно осведомилась Элиза. – Мне нужно подготовиться к уроку и взять в библиотеке учебник русского языка для десятого класса, я не имею ни малейшего представления, что там изучают дети.

– Идите, – зло бросила Колченогая.

Элиза поднялась из-за стола и, не глядя больше на завуча, вышла из кабинета, но вместо того, чтобы пойти к себе, почти бегом бросилась в туалет. Ладони жгло огнем, кожа на них покраснела и вспузырилась, как бывало всегда, когда приходилось сдерживать в себе сильные эмоции, не имея возможности сбросить напряжение.

Ей повезло – в туалете никого не было. Элиза резко повернула кран с холодной водой и подставила руки под ледяную струю. Боль постепенно стихала, исчезали отвратительные пузыри, но кожа все еще оставалась красной. К вечеру на ней появятся шрамы от ожогов, а к утру все исчезнет. Если бы не эта удивительная способность ее тела к регенерации после самых страшных ожогов, она была бы одним сплошным шрамом.

Все еще не вынимая руки из-под воды, Элиза прислонилась лбом к холодной поверхности зеркала и наконец позволила себе заплакать. В подсобке лежала косметичка, она еще успеет привести себя в порядок ко второму уроку.

Глава 3

Большой сарай за домом Максим переоборудовал в мастерскую еще в то лето, когда забрал Яну в аэропорту соседнего города Алексеевска. На это ушли все отложенные деньги и даже пришлось брать кредит, за который он расплатился только год назад, зато теперь здесь можно работать до двадцатиградусных морозов, а в доме не пахло краской и лаком.

Семь лет назад он остался без работы и семьи и переехал в этот город, чтобы начать жизнь заново. У него не было здесь ни родных, ни знакомых. Он просто открыл карту и ткнул в первое попавшееся место. Продал комнату в коммуналке, в которую переехал после развода с Варей, купил билет в один конец и с единственной сумкой с одеждой вышел из самолета в Алексеевске. Денег за комнату в Санкт-Петербурге хватило на целый дом в Лесном, еще и прилично осталось. Дом был небольшим, походил на обычный деревенский, без ванной и приличной кухни, с удобствами на улице, но первое время Максим обходился и этим, лишь после переезда Яны достроив и обустроив его по-другому.

В Санкт-Петербурге он работал следователем. Ему даже казалось, что он любил свою работу, но в последнее время все больше в этом сомневался: если бы действительно любил, наверное, скучал бы? Но он не скучал.

В Лесном первые два месяца он просто отдыхал. Устранял мелкие недочеты по дому, приводил в порядок запущенный двор, заготавливал дрова на зиму. А главное – много спал. Однако долго сидеть без работы он все равно не мог, поэтому и вернулся к своей давней детской мечте: изготавливать деревянную мебель. Уроки труда были его любимыми в школе, а от отца-математика достался талант к проектированию в голове и на бумаге самых сложных чертежей. Отвел для мастерской свободную комнату, ездил в Алексеевск к парочке мастеров, готовых за определенную плату поделиться знаниями и опытом. Смотрел ролики в интернете, закупал необходимые инструменты и материалы. В городке, построенном вокруг лесоперерабатывающего завода, где у каждого третьего была во дворе своя пилорама, проблем с материалом не возникало. Со временем у него появились постоянные поставщики, в надежности которых он не сомневался.

Начинал с малого: шкатулки, табуретки, этажерки. Брал недорого, работал быстро. Появились первые клиенты. Выполнять большие заказы ему было не за чем, да и негде. И только после переезда Яны пришлось расширяться.

Первым делом Максим достроил небольшое помещение под ванную, пробил скважину, купил котел. Теперь в доме была горячая вода, а в туалет не приходилось выходить на улицу. Правда, пристройку пришлось делать по единственной стене, где не было окон, поэтому вход в ванную находился прямо в гостиной, куда, впрочем, открывались и все остальные двери. Эту комнату и гостиной-то назвать язык поворачивался с трудом. Когда-то она выполняла роль проходной кухни. Здесь стояла печь, которую Максим переделал под камин, а также вынес сюда диван и телевизор. Привел в порядок большую веранду, часть которой утеплил и переделал под удобную и практичную кухню. Комнату, где раньше была мастерская, отдал Яне. Саму же мастерскую вынес в сарай, заодно увеличил и модернизировал. Тогда и пришлось взять приличный кредит, но мэр лично поспособствовал тому, чтобы он не был грабительским. Антон Степанович Подгородцев всегда и везде искал выгоду если не материальную, то моральную – точно. Поддержка малого бизнеса человека, приехавшего в их городок из мегаполиса, принесла ему немало баллов в глазах простого народа.

Кредит Максим выплатил год назад; заказы росли, и иногда он всерьез подумывал о том, чтобы взять помощника из местных. Сам не знал, что останавливало: не то не был уверен в добросовестности последних, не то просто не желал впускать кого-то в свой мир и свое дело. Странная особенность: он никогда ни к кому не ревновал свою бывшую жену, но мысль о

том, что кто-то будет касаться его инструментов и воплощать в жизнь его задумки, была ему противна. Но, наверное, рано или поздно придется. Через три года Яна закончит школу, и нужно бы иметь к тому времени какой-то запас денег, чтобы оплатить ее дальнейшую учебу. Думать о том, что дочь уедет от него, пока не хотелось, но он понимал, что будущего здесь у нее нет. Не то чтобы Максим себя считал старым в свои тридцать шесть, но морально был готов остаться здесь навсегда, а вот молодой девушке в этом городе делать нечего. Он одновременно хотел и не хотел, чтобы она вернулась в Санкт-Петербург. С одной стороны, там живут его родители, Яна не останется одна в огромном городе, с другой – сам он не хотел туда даже приезжать. И еще больше его огорчало то, что Яна пару раз заводила с ним разговор на тему своего будущего. И это будущее его не радовало. Девочка, вопреки всем доводам, хотела пойти по его стопам и стать следователем. Стоило ей только заикнуться об этом, Максим начинал злиться, и она замолкала. Но он знал, что дочь не отказывается от этой идеи.

С самого утра, отправив Яну в школу, Максим засел в мастерской. Большой сарай делился на три помещения: в одном мебель собиралась, в другом сохла после покраски и нанесения лака; была еще маленькая подсобка, которую Яна называла «Дизайнерской». В ней посередине стоял большой стол, на котором Максим расчерчивал будущий заказ. Не так давно ресторатор из Алексеевска решил открыть в их городке небольшой ресторан, поэтому Максим получил заказ на мебель для него. Столы, которые все равно будут накрыты скатертями, ресторатор купит в магазине, так получалось дешевле, зато резные стулья и буфет для посуды хотел оригинальные. Буфет Максим и чертил этим утром, включив погромче радио в надежде на интересную передачу, но то с самого утра вещало только об одном: лесном пожаре. Причем то, что говорил взволнованный голос диктора, было правдой только наполовину. Максим знал от Димы, что справиться с огнем не удалось, сильный ветер никак не утихал, от чего площадь пожара только увеличивалась, но городу пока ничего не угрожало. Диктор же нес полную ахинею о том, что ядовитые пары (откуда только?) уже заполонили город, жители то тут, то там находят мертвых птиц, а некоторые пернатые падают едва ли не на голову прохожим. Максим даже не удивится, если к вечеру из обеих аптек городка исчезнут все медицинские маски.

Он раздраженно выключил радио, переключив старенький музыкальный центр на проигрыш стоявшего в нем диска. Небольшую комнатку тут же залили лирические звуки скрипки. Вальс «Муки любви» Крейслера, исполнитель – Алена Васильева. Мировая знаменитость, талантливейшая скрипачка. И младшая сестра Максима. Он любил ставить ее диски, когда работал. Звуки скрипки отвлекали от посторонних мыслей и настраивали на нужный лад.

Вот и сейчас Максим с головой ушел в работу, а потому не сразу услышал въехавшую во двор машину. Лишь когда рядом с приоткрытым окном хлопнула дверца, он оторвался от чертежей. Взглянул на часы, гадая, кто мог приехать к нему в час дня, но затем отложил в сторону карандаш и вышел на порог мастерской. К его удивлению, во дворе стоял черный джип самого Антона Степановича Подгородцева. Машину мэра в городе знали все. Подгородцев – крупный, уже начавший лысеть мужчина пятидесяти лет с объемным животом – в это момент как раз с интересом оглядывался по сторонам.

Он всегда появлялся на людях исключительно в хорошо сшитом костюме и до блеска начищенной обуви, однако вместо брюк и пиджака сейчас на нем были джинсы и теплый пуловер. Такая одежда прибавляла ему несколько лет и килограммов и превращала в обычного стареющего мужчину. Хотя, вполне возможно, дело было не в одежде, а в крайне напряженном выражении лица и глубокой складке между бровями. Интересно, почему он не в мэрии в разгар рабочего дня?

Увидев Максима, Подгородцев тут же направился к нему.

– Максим Александрович, добрый день! – он первым протянул ему руку, которую Максим, еще не оправившись от удивления, пожал.

– Добрый день.

Что здесь нужно мэру? Они встречались всего один раз, когда тот перед журналистами на камеру вещал о том, как он рад, что в их город приезжают и начинают здесь свое дело жители крупных городов. Максиму тогда показалось, что речь мэру писал кто-то из помощников, а сам он даже не знает, как зовут этого приехавшего. И уж точно Максим не думал, что мэр в курсе, где он живет.

– Нам нужно поговорить кое о чем очень важном, – объявил Подгородцев, и Максим внезапно понял, что разговор будет не только важным, но и секретным. Только этим он мог объяснить такой внезапный визит главы города. Но о чем может быть этот разговор, не мог даже предположить.

– Проходите, – он кивнул на дом, но Подгородцев покачал головой.

– Давайте поговорим здесь, – он показал на мастерскую, наверное, не подобрав правильного слова для того, чтобы дать ей название: со стороны она выглядела обычным сараем. – Не хочу сильно отвлекать вас от работы. Заодно посмотрю, как вы устроились.

Максим пожал плечами, посторонившись, чтобы Подгородцев мог пройти. Тот вошел, не скрывая любопытного взгляда, хотя Максиму и казалось, что его мысли заняты чем-то другим. Прошелся вдоль выстроившихся в ряд двенадцати стульев, которые уже были готовы и ожидали своей очереди на покраску, потрогал рукой лежащие возле другой стены заготовки для следующей партии.

– Ну что ж, вижу, вы потратили деньги с толком, Максим Александрович, – резюмировал Подгородцев. – Я не прогадал, поставив на вас. Местные не смогли бы сделать из старого сарая такую, не побоюсь этого слова, мастерскую. Не хотите расшириться? Я выбью для вас кредит, может быть, под приличное производство мест на десять. Возглавите его.

– Спасибо, мне пока хватает этого. Что-то случилось, Антон Степанович? – осторожно поинтересовался Максим, решив не ходить вокруг да около. – Вы ведь не мастерскую мою приехали смотреть?

– Случилось, – мэр кивнул, затем наконец отошел от болванок и посмотрел на него, сцепив руки перед собой в замок. Максим с удивлением заметил, что он нервно перебирает пальцами, как будто волнуется. – Первым делом я попрошу вас, чтобы этот разговор остался между нами.

Максим кивнул, удивившись еще сильнее.

– Вы знакомы с моей женой?

Едва ли во всем городе нашелся бы человек, который не знал жену мэра. Инга Подгородцева была младше своего мужа лет на тридцать и обладала поистине удивительной красотой. Медно-рыжие натуральные волосы, спадающие идеальными локонами до самого пояса, большие желто-зеленые глаза пантеры, ровный контур губ, бронзовая кожа, тонкие запястья, грудь третьего размера, бесконечные ноги – все это наверняка являлось в эротических снах не одному мужчине в городе. Инга смотрела на жителей городка с баннеров, рекламных вывесок и больших билбордов. Она занималась благотворительностью, помогала алкоголикам и наркоманам попасть на реабилитацию, бомжам обрести хотя бы временное пристанище, организовывала поездки в детские дома и даже лично спонсировала стройку приюта для животных – невиданное дело в таких провинциальных городах.

В общем, Инга Подгородцева была намного ближе к народу, чем ее муж.

– Лично не доводилось, – осторожно ответил Максим. – Но, конечно же, я много раз видел ее по телевизору и в газетах.

Подгородцев важно кивнул, словно такого ответа ему было достаточно.

– Дело в том, что... – Он на секунду замялся, собираясь с мыслями. – Инга пропала.

– Что вы имеете в виду? – переспросил Максим, прекрасно зная, что часто люди подразумевают под этим абсолютно разные вещи.

– Вчера утром она взяла машину и уехала. Домой до сих пор не вернулась, ее мобильный телефон не отвечает.

Максим надолго замолчал. Не думает же Подгородцев, что его жена каким-то образом оказалась у него? Нет, наверное, если бы вдруг по какой-то нелепой случайности это пришло ему в голову, он захотел бы осмотреть дом, а не мастерскую. Потому что в самых смелых фантазиях представить Ингу своей любовницей Максим еще мог, но вот помощницей – уже никак.

– При чем здесь я? – спросил он.

– Я хочу, чтобы вы тихо занялись ее поисками. Лично. Без огласки, – огорошил его Подгородцев.

Максим подумал, что ослышался.

– Что?

– Я хочу, чтобы вы занялись ее поисками, – повторил мэр и прежде, чем Максим смог еще что-то спросить или возразить, сцепил руки в замок теперь уже за спиной и продолжил: – Я знаю, что вы бывший следователь. Вы закончили школу милиции, несколько лет работали оперативником, затем получили высшее юридическое образование и стали следователем. Я навел о вас справки сразу, как только вы переехали сюда, но мне не было до этого никакого дела. Хотите работать столяром – ваше право. Но сейчас мне нужна ваша помощь.

– Простите, но вам лучше обратиться к следователю вашего города, – твердо заявил Максим. – Раз вы навели обо мне справки, вы должны знать, что я давно уволился и пропавшими людьми не занимаюсь. И даже когда работал, был не слишком хорошим профессионалом.

– Ваши коллеги о вас другого мнения.

Максим гневно прищурился. Одно дело просто наводить справки о новом в городе человеке, другое – узнавать о нем у бывших коллег.

– В том, что случилось, вашей вины нет, – продолжил Подгородцев, то ли не видя, то ли не желая видеть гнева собеседника. – Вы были хорошим следователем и наверняка им остались. Я прошу у вас сущую мелочь: найти мою жену, не афишируя поисков. За эту непыльную работенку я щедро заплачу, и в будущем вы сможете рассчитывать на мою благосклонность.

Максим, конечно, понимал, почему мэр не хочет просить об этом полицию. Если Инга Подгородцева обнаружится где-нибудь в чужой постели, будет лучше, если об этом узнает только он, посторонний по сути человек, а не весь город. Заниматься поисками не хотелось, но ссориться с мэром – не хотелось еще больше. В конце концов, ничего особенного от него не требуется.

– Вы звонили ее родителям или подругам? – все еще попытался увернуться он. – Может быть, она осталась у кого-то из них, просто забыла предупредить?

– Ее мать давно умерла, отец, насколько мне известно, бросил их, когда Инга была ребенком. У двух ближайших подруг ее тоже нет.

– Дадите мне их контакты? Они могут что-то знать хотя бы о том, куда направлялась ваша жена.

– Безусловно. – На лице Подгородцева промелькнуло что-то вроде одобрения. – Все, что вам понадобится.

– Тогда вы позволите задать вам еще несколько вопросов? – поинтересовался Максим, давая окончательно понять, что согласен.

– Спрашивайте.

– Ваша жена вчера не говорила, куда едет?

– Нет, меня не было дома. Я вернулся сегодня утром, был занят делами. Мария, моя дочь, сказала, что Инга уехала накануне в одиннадцать утра и с тех пор не возвращалась.

– Чем она занималась в последнее время?

– Да как обычно, – мэр пожал плечами, – детские дома, приюты, алкоголики. Никаких новых дел, насколько мне известно. Я не особенно вникал. Эту часть общественной жизни

обеспечивает она, я ей за это благодарен. У меня хватает других забот, вы же понимаете. Наш завод на грани банкротства, а если его закроют, большая часть города останется без работы. У нас совсем нет денег на ремонт дорог, а по ним скоро можно будет проехать исключительно на тракторах...

– У вашей жены... – Максим замолчал, стараясь подобрать наиболее деликатные слова. – Не было причин уехать насовсем?

– Что вы имеете в виду? – Подгородцев нахмурился.

«Как будто ты не понял», – мысленно поморщился Максим.

– Какие у вас отношения? Вы не ругались?

– У нас прекрасный брак! – отчеканил мэр. – У моей жены не было поводов сбежать от меня, если вы это имеете в виду!

Именно это Максим и имел в виду. И более того, он понимал, что едва ли мэр скажет ему правду, даже если его брак далек от идеала. Об этом в том числе лучше спросить у близких подруг Инги. Женщины любят посплетничать, особенно если их более успешные подруги оказываются не такими уж успешными, и за фасадом прекрасного брака скрываются серьезные проблемы.

– Хорошо, я займусь поисками вашей жены, – заверил он. – Запишите мне, пожалуйста, контакты ее подруг и марку и номер ее машины.

Мэр смерил его таким взглядом, как будто он должен был это знать и так, но ничего не сказал, лишь молча кивнув.

– Если вам будет нужна еще какая-то информация, звоните в любое время, – Подгородцев протянул ему свою визитку. – И я надеюсь, первые данные не заставят себя долго ждать.

Максим мельком оглянулся на выстроившиеся в ряд стулья и похвалил себя за привычку не тянуть до последнего, а работать наперед: несколько дней запаса у него есть. Теперь главное, чтобы Инга Подгородцева нашлась быстро и безболезненно.

* * *

Урок русского языка у десятого «А» выпал уже на сегодняшний день и стоял шестым в расписании. Элиза не успела к нему подготовиться, поскольку «форточек» у нее не было, а заниматься посторонними делами на своих занятиях не считала возможным. Все перемены она проводила в подсобке, закрывшись на замок, чтобы никто не вошел без стука и не увидел, как она держит руки в миске с ледяной водой. На сегодняшний вечер у нее запланирована традиционная встреча с подругами в кафе, и к этому времени следовало привести себя в порядок. Едва ли Катя что-то заметит, а вот от профессионального взгляда Вики ожоги не скроешь: та работала медсестрой в ожоговом отделении.

Ладони все еще оставались красными, но уже без волдырей и почти без корок. Элиза решила вопреки своим правилам уйти домой сразу после уроков, чтобы иметь возможность полежать в холодной ванне и привести в порядок нервную систему. Сейчас, когда внутри продолжали бушевать эмоции, ей не вывести следы ожогов до конца, поскольку стоило отвлечься, как появлялись новые. Конечно, в таком случае придется взять стопку тетрадей домой, но это меньшее из двух зол. Расписание уже сломано, с последствиями лучше разбираться за закрытой дверью своей квартиры.

А вечером еще предстоит подумать над тем, как сохранить и всех интернетовских учеников, и факультатив по чешскому языку. Родители переехали в Чехию, когда ей было пять. Получили гражданство, чтобы выступать за сборную, поэтому было оно и у Элизы. Правда, чаще всего там ее называли Элишкой, но она понимала, что требовать этого здесь точно не стоит. Не ненавистная Лиза – и то хорошо. Жизни в России Элиза не помнила, но русский язык знала хорошо, потому что отец за пятнадцать лет чешский в совершенстве так и не одо-

лел, дома требовал говорить исключительно по-русски. Отказываться сейчас от факультатива даже временно Элиза не хотела: где еще она могла поговорить на родном и любимом языке? Факультатив был общим для всех классов, поэтому там собирались и малыши-пятиклашки, изучающие язык для общего развития, и будущие выпускники, которые собирались поступать в чешские университеты. По крайней мере, пробовать. Всего приходило обычно десять-двенадцать человек. Колченогой поначалу не нравилась такая сборная солянка, она утверждала, что деление по возрастам в школе необходимо, но Элиза пошла к директору, убедительно доказав, что эта самая «солянка» только подружит и скрепит детей. Директор возражать не стал, и вскоре все убедились, что Элиза была права. Старшие дети привыкли помогать малышам, и никому теперь не позволяли их обижать. Хотя едва ли Колчанова Людмила Арсентьевна когда-нибудь признает это вслух.

Галдеж десятого «А» Элиза услышала еще до того, как вошла в кабинет. Звонок прозвенел больше минуты назад, но дети и не думали успокаиваться. Впрочем, они редко сидели тихо даже когда в кабинете находилась Марина Петровна. Кабинет Элизы находился рядом, всего лишь через маленькую подсобку, которую они делили с Соболевой на двоих, поэтому она всегда слышала, что происходит у той на уроках.

Дети не замолчали и тогда, когда Элиза открыла дверь и вошла. Они ее даже не заметили. Все взгляды были обращены в противоположную сторону, где на первой парте стоял Артур Михайлов и громко вещал:

– И ровно в полночь выходит он – призрак! В черном плаще с кровавым подбоем, шаркающей походкой проходит он по сгоревшим развалинам!

Парочка самых пугливых девчонок взвизгнула, кокетливо спрятавшись за стоящих рядом парней. Элиза только хмыкнула. Артур был мальчиком умным, начитанным, писал рассказы и даже печатался в Алексеевской газете. Наверняка и «Мастера и Маргариту» любил, не зря же цитировал почти дословно. А глупые одноклассницы и рады держать за руку мальчиков. Пятнадцать лет, возраст такой. Элиза хорошо помнила себя в эти годы. Родителям и тренерам с трудом удавалось сдерживать ее характер.

– Останавливается на пороге почерневшего дома, – продолжал заливаться соловьем Артур, понизив голос, – оглядывается, – он медленно осмотрел жмущихся друг к другу одноклассников, наклонившись к ним чуть ближе, – и если увидит тебя – смерть!

В классе повисла полная тишина. Несколько долгих секунд ребята молчали, затаив дыхание, а затем с задней парты раздался голос Вани Петрухина, двоечника и задиры:

– Да что ты гонишь, Миха! Нет там никакого призрака.

Артур выпрямился и улыбнулся.

– А ты сходи, проверь.

– И схожу! – Петрухин поднялся из-за парты. – Кто со мной? – Он точно так же, как минутой раньше Артур, посмотрел на друзей. – Кто не ссыкло?

Смелых, как ни странно, не находилось. Даже сам Артур молчал. Элиза усмехнулась, не торопясь обозначать свое присутствие. Как она и думала, первой руку подняла Алиса Самойлова.

– Ну, я не ссыкло, и чего? С тобой пойти, чтобы ты в штаны не наложил?

Дети нестройно засмеялись, но под гневным взглядом Петрухина быстро замолчали.

– Чтобы убедиться, что нет там никакого призрака. Миха врёт, как всегда. Писатель хренов.

– Пошли, – Алиса пожала плечами. – Ян, ты с нами?

И прежде, чем отличница Яна Васильева, по непонятной для Элизы причине тянувшаяся к двоечникам и хулиганам, согласится на подобную авантюру, она с силой захлопнула дверь, заставив всех учеников повернуться к ней. Те даже не думали занимать свои места, удивленными взглядами провожая Элизу, пока она шла от двери к учительскому столу.

– Я буду вам благодарна, Артур, если вы все-таки слезете с парты, – на ходу проговорила она.

Тот мгновенно прыгнул со стола и направился к своему месту. Другие ученики тоже нехотя стали расходиться.

– Елизавета Николаевна, а вы кабинет не попутали? – наконец поинтересовался Петрухин. – У нас типа русский ща.

– Я знаю, – кивнула Элиза, положив журнал на стол и повернувшись к классу. – И с сегодняшнего дня его буду вести у вас я.

Дети снова удивленно переглянулись.

– А где Марина Петровна? – осторожно спросила Надя Валюшкина.

– По семейным обстоятельствам ей пришлось временно взять отпуск.

– Да забухала она, – со знанием дела рассмеялся Петрухин.

На это Элизе нечего было возразить. Подтверждать его версию было бы непедагогично, но и врать детям она привычки не имела. Поэтому она просто поправила очки в черной оправе, хотя они и так сидели идеально, опустила на стул и открыла учебник, который видела впервые в жизни.

– Давайте начнем урок.

Дети тут же притихли, но Петрухин не собирался сдаваться просто так.

– Елизавета Николаевна, а вы в призраков верите?

Элиза приподняла брови.

– Я никогда их не видела, – заметила она, улыбнувшись уголком губ. – Но и Юпитер я тоже никогда не видела, однако его существование не вызывает у меня сомнений.

Класс загудел.

– Михайлов утверждает, будто на пожарище за городом, ну, там, где двадцать лет назад несколько домов сгорело, по ночам бродит призрак, – доложила Алиса. – Мы хотим проверить.

Прошло несколько секунд, прежде чем Элизе удалось совладать со вспыхнувшим внутри пламенем. Край учебника, на котором все еще лежала ее рука, мгновенно почернел, и ей пришлось торопливо убрать руку, пока никто ничего не заметил.

Сговорились они все сегодня, что ли? Других тем нет, кроме пожаров?

Она медленно выдохнула, пытаясь привести себя в состояние равновесия.

– Я очень сильно не советую вам что-либо проверять, – строго сказала Элиза. Голос, к ее удовлетворению, прозвучал ровно. – Вам всем еще нет шестнадцати, а значит, находиться на улице после десяти вечера без родителей запрещено. Не стоит сейчас нарушать запрет мэра. Особенно это касается вас, Алиса.

Девушка тут же стушевалась и поторопилась открыть учебник. Элиза удовлетворенно кивнула, скользнула взглядом по притихшим ребятам, на мгновение задержавшись на Яне Васильевой. Светлые еще вчера волосы сегодня неожиданно оказались темными. В ярком электрическом освещении были хорошо заметны проплешины, где краска легла неровно, а то и вовсе не взялась. Однако ничего спрашивать Элиза не стала. Уж точно не при всем классе.

Урок пошел своим чередом, хоть и не так резво, как уроки английского. К тем она всегда готовилась, хорошо знала материал, умела интересно его подать. А с русским знакома не была. Одно дело – говорить на языке, другое – уметь ему научить. Для начала вообще пришлось выяснять, что дети сейчас проходят. Однако особых проблем у нее не возникло. Ученики любили ее, десятый «А» – особенно, а она уважала их, единственная из всего преподавательского состава не «тыкала» им, считая, что они уже достаточно взрослые для более вежливого обращения. В конце концов, она сама старше них всего на одиннадцать лет.

И лишь когда прозвенел звонок на перемену, она снова посмотрела на Яну.

– Все свободны. Не забудьте, что завтра английский и у нас аудирование. Яна, останьтесь, пожалуйста.

Яна послушно подошла ближе, но ничего не спросила, Элиза тоже ждала, пока за последним учеником закроется дверь.

– Я слышала, вы собираетесь с Алисой и Иваном ночью прогуляться на сгоревшую окраину?

Яна, может быть, и покрасила волосы в темный цвет, но кожа по-прежнему оставалась прозрачно-белой, тонкой, как пергаментная бумага, через которую просвечивались сосуды, а потому щеки густо залил румянец. Она потупила взгляд в пол и промолчала. Элиза и не требовала ответа.

– Я не стану, как Алисе, напоминать вам о недопустимости подобного поведения, думаю, вы и сами это понимаете. Надеюсь, примете правильное решение.

Яна снова промолчала.

– Вы покрасили волосы? Зачем?

Она пожала плечами.

– Все красятся.

– Кто вас красил?

Яна покраснела еще гуще.

– Сама.

– Родители были против?

– Мама с нами не живет, а папа едва ли сделал бы это лучше.

Элиза вздохнула. Спрашивать, почему она не попросила о помощи лучшую подругу, не имело смысла. Алиса, которая даже мусор не выносила без макияжа в свои пятнадцать, наверняка и подтолкнула Яну к этому... эксперименту.

– Сегодня вечером я занята, а завтра приходите ко мне, – внезапно предложила Элиза. – Посмотрим, что можно исправить.

Яна удивленно подняла на нее взгляд, и Элизе показалось, что она судорожно ищет причину отказаться, но то ли так и не нашла, то ли все же поняла, что это хороший выход.

– Спасибо вам.

Элиза улыбнулась.

– Вот и отлично. Тогда завтра в пять. Держите адрес. – Она протянула Яне лист из блокнота.

Девушка взяла его, и лишь по ее удивленно расширившимся глазам Элиза поняла, какую глупость совершила: Яна увидела ее ладони.

– Что у вас с руками?

Элиза с трудом заставила себя не спрятать руки в коленях, а спокойно положить их на стол.

– Схватила горячий чайник, – соврала она. – Совсем забыла, что он уже закипел.

Она видела, что Яна не поверила. Кто в здравом уме будет брать чайник не за ручку, а за стенки? И тем не менее, ничего другого в голову ей не пришло.

– Хотите, я завтра принесу вам мазь? – предложила Яна. – У нас есть хорошая, немецкая. Папина сестра прислала, когда я вылила на себя кружку кипятка.

Никакая мазь Элизе была не нужна, ее тело отлично справляется с такими травмами самостоятельно, но она ответила, что будет благодарна. Когда за Яной наконец закрылась дверь, Элиза торопливо скинула в пакет стопку тетрадей, схватила журнал и направилась в учительскую, чтобы забрать одежду и уйти из школы. Утро, когда ей сломали планы и нарушили расписание, казалось как минимум прошлогодним.

* * *

Виктория Архипова, одна из двух лучших подруг Инги Подгородцевой, даже не знала о том, что Инга исчезла. Точнее, утром ей звонил Подгородцев, спрашивал, не ночевала ли Инга у нее. Вика ответила отрицательно (подруга ведь ни о чем таком не просила), положила трубку и забыла о звонке. День обещал быть насыщенным, работа в ожоговом отделении, где она трудилась медсестрой, никогда не заканчивалась, поэтому думать о посторонних вещах ей было некогда.

Вика как раз метеором носилась по отделению, снимая капельницы тем, кому расставила их раньше, делая обеденные уколы, все это записывая в журнал и болтая с коллегой, которая неторопливо катила тележку от палаты к палате, раздавая таблетки, когда в кармане короткой медицинской куртки снова зазвонил мобильный телефон.

– Да! – бросила Вика в трубку, прижимая ту к уху плечом, и даже не посмотрев на имя абонента.

– Виктория?

Голос в трубке принадлежал мужчине и был Вике совершенно точно не знаком. Она выпрямилась и взяла телефон поудобнее, продолжая второй рукой сматывать тонкую трубку капельницы, только что снятую с пациента.

– Да, я.

– Добрый день, меня зовут Максим Васильев.

Имя Вике тоже ничего не говорило, но невидимый абонент назвал ее по имени, значит, звонит именно ей. Только бы не рекламный агент. В последнее время проклятые спамеры добрались даже до их маленького городка, который, казалось, если и не застыл в прошлом веке, то определенно отставал по развитию от крупных мегаполисов. Что Вике только ни предлагали! И бесплатные обследования, и сеансы массажа, и кредиты «здесь и сейчас», и даже, черт возьми, лечение импотенции! Правда, тогда Вика сильно простудилась, говорила басом, и, возможно, абонент на другом конце провода решил, что перепутал Викторию с Виктором.

– Я звоню вам по деликатному вопросу, – продолжал тем временем Васильев, кто бы это ни был. – Сегодня утром ко мне обратился Антон Степанович Подгородцев с просьбой разыскать его жену.

– Инку? – глупо переспросила Вика, и тут же выругалась на себя: конечно, Инку, кого же еще? Мэр, слава богу, гарем пока не устроил, хотя Инка и проболталась как-то, что знает о его любовницах. Но все же любовницы – не жены. – А она что, пропала?

Тут Вика как раз вспомнила о звонке Подгородцева и только сейчас поняла всю его странность.

– Инга вчера утром уехала в неизвестном направлении и домой пока не вернулась, – подтвердил Васильев. – Антон Степанович говорит, что вы ее не видели. Но как ближайшая подруга, может быть, знаете, куда она направлялась?

– В Алексеевск. – Вика наконец свернула капельницу, сняла объемный флакон и вместе с ним направилась в процедурный кабинет, чтобы поговорить спокойно. Бега по отделению, она так запыхалась, что никак не могла привести дыхание в норму. Из-за этого чертового пожара ей все время не хватало воздуха, того и гляди обострится астма, которой она страдала с детства. – У них с мужем скоро пятилетие свадьбы, она хотела купить ему подарок.

– А какие магазины она собиралась посетить, не знаете?

– Точно нет, но могу назвать вам пару-тройку, где она обычно покупала подарки для Подгородцева.

– Буду вам благодарен.

Вика перечислила названия магазинов, куда ее подруга обычно заходила. Подгородцев, будучи в некотором роде снобом, предпочитал вещи дорогие и качественные, а таких даже в довольно крупном Алексеевске было не так и много.

Васильев некоторое время молчал, наверное, записывая адреса, а затем снова спросил:

– Виктория, были ли у Инги мотивы уйти от мужа?

Вика хмыкнула.

– Мотивы, может, и были, но вот уйти она едва ли ушла бы.

– Почему?

– А куда ей идти? Инка – бывшая модель, только характер у нее не тот, чтобы чего-то добиться. Она пару лет в Москве выдержала и сбежала, а здесь у нас с модельными агентствами не очень. Да и возраст у нее для этой профессии пенсионный. А другого образования нет. Подгородцев для нее как туз. От таких не уходят. Ой... – Вика осеклась, осознав, что откровенничает с совершенно незнакомым человеком. – А вы из полиции? – запоздало уточнила она.

Вдруг он журналист? И завтра в местной газете появится статья о чете Подгородцевых с откровениями из «достоверных источников»? А если еще и имя этого источника укажут, ей лучше сразу бежать из города. Вот так всегда, язык мой, как говорится, враг мой. Мыслительный процесс у Вики никогда за ним не поспевал. Она была особой суетливой, всегда чем-то занятой, редко – только одним делом, когда уж тут думать?

Васильев приглушенно рассмеялся.

– Нет. Но не волнуйтесь, все, что вы сказали, останется между нами. Даже Антон Степанович об этом не узнает.

Вика облегченно выдохнула. Конечно, мог и соврать, но она почему-то была уверена, что он не лгал.

– У меня к вам встречная просьба: тоже сохранить в тайне мой звонок. Сами понимаете, Инга может найтись где угодно. Будет лучше, если о ее исчезновении не станет известно широкой общественности.

– Да, конечно! – закивала Вика, теперь уже точно убедившись, что Васильев не журналист.

До конца смены она не переставала думать об этом странном звонке. Даже сама пару раз набирала номер Инги, но телефон оставался выключен. Куда она могла деться?

Инга Подгородцева, в девичестве Веселкина, была старше Вики на шесть лет. Возможно, и не сложилось бы у них никогда никакой дружбы, если бы их семьи не жили по соседству. Мама растила Вику одна, родила ее от женатого любовника, который не собирался уходить из семьи, а потому помогать с ребенком было некому. Ее собственные родители умерли еще до рождения внучки. Инга, к тому времени уже школьница, часто приходила к соседке, приглядывала за маленькой Викторией, а затем стала брать ее с собой в компании друзей. Конечно, дети постарше не воспринимали ее всерьез, зато ее удобно было отправлять по всяким мелким поручениям, чем они и пользовались. Когда Вике было одиннадцать, Инга уехала покорять Москву. В университет не поступила, работала где придется, пока яркую девушку с красивой фигурой не заметило одно модельное агентство. Инга проработала моделью два года, а затем сбежала из Москвы. Как-то за бокалом вина она призналась Вике, что такого гадюшника, как модельное агентство, не видела никогда в жизни. Инга была не из тех, кто готов прогрызть себе дорогу к успеху, растапывая конкуренток изящными каблуками дорогих туфель, поэтому растоптали ее.

К тому времени в родном городе друзей у Инги не осталось. Кто-то уехал, кто-то умер, кто-то просто не желал с ней общаться. Ее отец ушел из семьи и уехал в другой регион, когда она была еще ребенком, мать тоже скончалась где-то через пару месяцев после ее возвращения из Москвы. Осталась одна только Вика, которая так и не обзавелась собственной семьей, получила среднее медицинское образование и работала в больнице медсестрой. Они возобновили

дружбу, и та не закончилась даже тогда, когда Инга вышла замуж за мэра города. У того как раз вышел срок траура по скончавшейся после долгой болезни жене, и он был готов к новому браку. С падчерицей у Инги отношения не сложились, но Вика была уверена, что и это не могло стать поводом для побега. Если Инга действительно пропала, значит, что-то случилось.

После смены Вика быстро приняла душ, поправила макияж и помчалась в кафе, где по вторникам всегда встречалась с еще двумя подругами: Элизой и Катей. С Катей они вместе выросли, учились в одном классе, но по-настоящему подружились только в Алексеевске, где на двоих снимали квартиру во время учебы. Элиза же влилась в их небольшую компанию совсем недавно. Почти сразу после Нового года на площади внезапно вспыхнула украшенная дешевыми гирляндами елка, пострадали несколько человек, Элиза в том числе. Ее, как и других, привезли в ожоговое отделение. Вика сама не знала, чем ее зацепила молчаливая пациентка, которая лежала в одиночной платной палате и которую за все четыре дня стационара не навещил ни один человек. Возможно, просто стало ее жалко. Вика не замечала нежелания общаться, пропускала мимо ушей откровенную грубость, но ей удалось однажды разговорить, а потом и вовсе расшевелить Элизу. Так она и узнала, что та переехала в их город меньше года назад и получила работу в школе. Сначала Элизу приходилось вытаскивать в кафе почти силой, но затем она и сама стала напоминать подругам о встрече. Элиза была повернутой на всякого рода расписаниях и планах, поэтому, раз внеся встречу в кафе в свой ежедневник, она приходила каждый вторник.

Элиза, никогда в жизни никуда не опаздывавшая, уже ждала ее в кафе за привычным столиком: он находился чуть в стороне от основного потока, поэтому никто не ходил мимо и не слушал их разговоры. Правда, и официанты сюда заглядывали редко, но они уже давно изучили вкус всех трех подружек, а потому в лишнем визите не было нужды.

Катя еще не пришла. Вот кто любитель всегда и везде опоздать!

– Привет, дорогая! – Вика чмокнула Элизу в щеку, бросив сумочку на пустой стул и с удивлением отмечая, что сегодня Элиза выглядит не так идеально, как всегда: у белой блузки чуть-чуть испачкан чернилами рукав, по шее спускается выбившаяся из тугого пучка прядь русых волос, а помада на губах почти полностью стерлась.

– Выглядишь не очень, – заметила Вика.

Элиза подняла на нее уставший взгляд и улыбнулась уголком губ.

– Кто еще скажет тебе правду, как не лучшая подруга?

Вика рассмеялась, знаком давая понять проходящему мимо официанту, что ей как обычно.

– Что случилось?

– Ничего особенного, – Элиза вздохнула и принялась помешивать ложечкой кофе. – Одна учительница ушла в запой, на всех раскинули ее классы. Мне достались уроки русского языка и литературы, представляешь? Нет, я хорошо его знаю, и говорю без акцента, но это пять дополнительных уроков в неделю!

Вика сочувственно вздохнула. Она прекрасно знала, что для подруги значат лишние пять уроков. Пять внеочередных изменений в расписании. Для Элизы это была почти катастрофа. Рядом с чашкой кофе уже стояла бутылка негазированной воды. Элиза имела странную особенность: она всегда пила много воды, когда нервничала.

– А кто запил? Не Марина Соболева?

– Ты с ней знакома? – удивилась Элиза.

– Мельком. Видела ее пару раз у Тамары. Томка жаловалась, что она часто в запой уходит.

Это было не совсем правдой: Марину Соболеву Вика знала с детства. Как, впрочем, и половину жителей этого городка. С тех пор, как повзрослели, близко они не общались, поэтому Вика считала, что имеет право говорить, будто знакома с ней только через Тамару.

– У Тамары? – переспросила Элиза.

– Самойловой. Та еще мать Тереза, вечно всем помогает. Ее дочь вроде у тебя учится. Алиса.

Элиза кивнула.

– Видимо, в этот раз помощь опоздала. Начальство серьезно настроено ее уволить.

– Жаль, – вздохнула Вика, – людям нужно давать второй шанс.

– Второй – может быть, – согласилась Элиза, – но это уже сто двадцать второй. Алкоголикам не место в школе.

На щеках Вики вспыхнул яркий румянец. Она поняла, что это был укол и в ее адрес. Вика давно и прочно была влюблена в мужчину, который также имел проблемы с алкоголем, и Элиза не упускала случая напомнить, что она думает по этому поводу. Но что Элиза знает об этом? Она младше на целый год, ей всего двадцать шесть, всегда была любима в семье, никогда не чувствовала себя ненужной. Родители ее обожали, мужчины провожают взглядом, но ей хорошо одной, она не нуждается в постоянном спутнике жизни. Легко заводит романы на одну ночь и не жалеет, когда утром они заканчиваются.

Вика была другой. Своего отца она видела очень редко. Они всегда жили с мамой вдвоем, а отец приходил только на выходные, и то далеко не каждые. Лет до пяти Вика не задавала вопросов, искренне считая, что так и должно быть. И лишь став чуть постарше, осознала, что это неправильно. Еще через несколько недель она задала вопрос, которого так боятся все матери-одиночки.

В отличие от большинства женщин, Викина мама не стала врать дочери о доблестном летчике-испытателе. Да и как тут соврешь, когда «летчик-испытатель» иногда является и даже приносит дочери мелкие подарки, деньги на которые смог урвать из семейного бюджета. Она сразу рассказала Вике о том, что у ее отца есть другая семья. И даже другая дочь, всего на два месяца старше самой Вики. К которой он приходит каждый день, а не только иногда на выходные, которую каждый вечер укладывает спать, читает ей сказки на ночь и носит на руках, когда у нее что-то болит. Мама не стеснялась в выражениях, Вика до сих пор помнила тот страстный монолог, заставивший ее рыдать всю следующую ночь в подушку. Новость о том, что у папы есть другая девочка, которую он любит гораздо больше нее самой, казалась ей странной, несправедливой, неправильной. Ведь она такая хорошая, прилежная, послушная, как ее можно не любить? О том, что папа ее не любит, она догадалась сразу, ведь если бы любил, жил бы с ними. Мама особо и не пыталась опровергнуть эту ее догадку.

С тех пор Вика болезненно жаждала любви, особенно от мужчин. Костя, пусть и выпивает иногда, ее любит. Дарит цветы по праздникам, приносит продукты, когда она болеет. Это главное.

Возможно, именно поэтому Вика и не отвернулась от Инги, когда та приехала из Москвы. Понимала, каково ей: остаться одной, без семьи, друзей, мужа. Вспомнив об Инге, Вика вновь взглянула на телефон, который с самого начала положила перед собой на стол, хотя обычно подруги старались не доставать их во время встреч.

– Ждешь звонка? – тут же спросила Элиза.

Вика кивнула.

– Скорее, жду смс о том, что абонент появился в сети. – И, не давая Элизе задать следующий вопрос, уточнила: – Это не Костя.

По взлетевшим вверх красиво подведенным бровям Вика поняла, что Элиза подумала именно о нем.

– А кто?

– Инка Подгородцева вчера пропала. Уехала утром в Алексеевск, и с тех пор тишина.

– Подгородцева? – Элиза нахмурилась. – Жена мэра?

– Ага.

– Я видела ее вчера после обеда.

Вика вскинула голову и удивленно посмотрела на подругу.

– Где?

– На Заболотной дороге. Она уже возвращалась в город, мы встретились как раз на самом узком месте, едва разъехались.

– На Заболотной? – Вика нахмурилась и потерла лоб. Что Инга могла делать на Заболотной? Дорога узкая, плохая, местные предпочитали ею не пользоваться. Только вот такие, как Элиза, кому чем меньше людей вокруг, тем лучше. И у кого большая машина с хорошей проходимостью, потому что застрять там проще простого, а потом несколько километров идти по лесу пешком за помощью. Впрочем, у Инки как раз такая машина. – Надо позвонить, сказать, – пробормотала Вика, уже набирая номер Васильева. – Пусть посмотрит там. Вдруг она где-то застряла?

– Подгородцеву?

– Нет, – Вика мотнула головой. – Мужик какой-то, он по поручению Подгородцева Инку искал. То ли из полиции, то ли что-то такое... Алло, Максим? – спросила она в трубку, потому что на том конце как раз ответили. – Это Виктория. Я по поводу Инги.

Глава 4

– Да, она была у нас вчера, – высокая молодая женщина с длинными, выкрашенными в желтовато-белый цвет волосами, профессионально улыбнулась. – Она заказывала для мужа зажим для галстука и запонки и приехала забрать их.

– А во сколько это было?

Девушка наморщила высокий лоб и чуть закусила губу.

– Около четырех, наверное, на часы я не смотрела. Я уже пришла с обеда, но до сдачи смены было еще далеко. Так что часа три-четыре. Но скорее четыре.

– Как вам показалось, она выглядела обычно?

– Что вы имеете в виду?

– Она не была напуганной? Вздвинутой? Может быть, с кем-то говорила по телефону?

Ровные белые зубы снова поймали в плен нижнюю губу, и Максим внезапно подумал, что если она делает так каждый раз, когда думает, а обручального кольца на пальце так и нет, то думает она не очень часто. Выглядело это весьма и весьма сексуально.

– Нет, – наконец твердо заявила девушка. – Кажется, все было как обычно. Она очень вежливая и красивая, всегда уверена в себе и улыбчива. Вчера все было так же. Попросила показать ей заказ, затем красиво упаковать его, расплатилась и пожелала хорошего дня. Ничего необычного.

Поблагодарив разговорчивую девушку, Максим попрощался и вышел на улицу. Это был третий, последний магазин из названных Викторией Архиповой, и только в нем ему повезло, что казалось немного странным. Он больше не следователь, никакого удостоверения у него нет, просто пришел незнакомый человек, начал задавать вопросы о клиентах. И ему ответили. Если откровенность Архиповой можно было списать на обычную любовь к сплетням, то эта блондинка его удивила: она ведь профессионал, как может давать сведения о клиентах посторонним людям? Впрочем, на что-то такое Максим и рассчитывал, иначе какой смысл был бы ехать в Алексеевск? Он давно заметил, что люди в маленьких городах более доверчивы и словоохотливы, чем в мегаполисах. Алексеевск не был таким крохотным, как Лесной, но и до крупных городов ему было далеко.

Звонок Викторией застал Максима в тот момент, когда он уже подходил к машине.

– На Заболотной дороге? – удивился он, когда Виктория рассказала ему о вчерашней встрече ее подруги с Ингой. – А где именно?

Заболотная дорога имела несколько ответвлений, поэтому важно было знать, не могла ли Инга потом куда-то свернуть или же ехала по ней до самого города. Он слышал, как Виктория задала этот вопрос кому-то, наверное, той самой подруге, а затем в трубке что-то зашуршало, и ему ответил уже другой, незнакомый голос:

– Добрый день, это я видела Ингу вчера. – Голос показался Максиму очень необычным: бархатный, тягучий, он напоминал сладкую патоку, но при этом был так хорошо поставлен, как будто его обладательница работала по меньшей мере диктором на телевидении. Если от отца ему достались способности к математике и чертежам, то от матери – музыкальный слух. Что-то еще отличало этот голос от других женских голосов, но Максим никак не мог понять, что именно. – Это было уже почти у самого города, там есть такое узкое место, где двум машинам не разминуться. Вы его узнаете, мне пришлось выехать за пределы дороги, чтобы пропустить Ингу. Наверное, остались следы, там редко ездят.

– А в котором часу это было?

Девушка на другом конце провода на секунду замолчала, вспоминая, и Максим вдруг ясно осознал, что она губу закусывать не стала бы.

– В четверть девятого.

Это сходилось с показаниями продавщицы из магазина. Если Инга забрала подарок около четырех часов, где-то пообедала или посетила еще несколько магазинов и только потом отправилась домой, то, учитывая отдаленность Заболотной дороги и ее отвратительное состояние, к городу как раз добралась в начале девятого. А значит, ему следовало поехать тем же маршрутом.

Еще несколько лет назад, когда Максим только переехал сюда, в Лесной можно было попасть по трем дорогам. Все они поддерживались в более или менее сносном состоянии, периодически обслуживались коммунальными службами и имели весьма приятный вид. Когда в бюджете закончились деньги, мэр негласно решил оставить только Главную дорогу. Южная, пролежавшая по самому центру болота, пришла в негодность очень быстро, по ней уже нельзя было проехать ни на машине, ни на мотоцикле. Ходили только грибники и собиратели ягод и нередко возвращались, вымокнув по пояс. Заболотная дорога еще кое-как существовала, но пользовались ею счастливые обладатели внедорожников, и то крайне редко. Она была гораздо длиннее и уже. И тем не менее Инга по какой-то причине выбрала именно ее. В голову пришло два варианта: либо она хотела с кем-то встретиться без свидетелей, поэтому выбрала дорогу, по которой никто никогда не ездит, либо ей нужно было навестить кого-то в той части города, к которой она ведет. Будучи уверенной в своем автомобиле, Инга запросто могла решить сэкономить время и поехать сразу туда, минуя центр Лесного.

Машина Максима была хоть и не такой новой и дорогой, как у жены мэра, но проходимость имела хорошую, поскольку он использовал ее как тягловую лошадку, а для работы годилась только такая.

В лесу уже сгустились ранние сумерки. Здесь, вдали от пожара, не было видно всполохов пламени, которое пожарные пока так и не смогли потушить, не чувствовался запах дыма, как будто и не было никакого огня. Напоминал о нем лишь встревоженный голос диктора по радио, передававший последние новости, но, когда Максим чуть углубился в лес, пропал и он: радио перестало ловить сигнал.

По состоянию дороги было видно, что ею действительно почти не пользовались, да и сама она представляла из себя всего лишь узкую полосу земли, утопающую в грязи, а во время дождей – еще и в воде, в центре которой росла уже пожухлая трава. Дорога уходила то вверх, то вниз, и какой-нибудь неосторожный водитель на маленькой машинке запросто мог посадить своего железного коня на брюхо, подвесив передние или задние колеса в воздух.

Максим нашел и то самое место, где накануне Инга встретила с подружкой Викторией. Он остановил машину и вышел. Сам не знал, что хочет здесь увидеть, но решил немного осмотреться. Следы от колес автомобиля, выехавшего за пределы дороги, были хорошо различимы. Подруге Викторией пришлось полностью съехать на обочину, чтобы пропустить Ингу, и вернуться обратно она смогла не сразу: Максим заметил примятую траву и мелкие кустарники в нескольких местах. Он мог себе представить, как ругалась в этот момент девушка.

Вместо того, чтобы вернуться в машину, он прошел немного по дороге в обе стороны, вглядываясь в уже сгущающийся полумрак между деревьями. Если бы Инга свернула в лес, ее следы он тоже нашел бы, значит, она добралась до города. Уже возвращаясь в машину, Максим внезапно остановился. Впереди, за одним из особенно толстых стволов, невидимого с другого ракурса, мелькнуло что-то рыжее. Сердце пропустило несколько ударов, пока он бежал к дереву. Неужели Инга?..

Это оказалась обыкновенная лиса. Она лежала на боку, вытянув лапы, и над ней уже кружил рой больших черно-зеленых мух. Максим вытащил из кармана матерчатые перчатки, которые положил туда буквально вчера, ожидая холодов, и осмотрел лису. Никаких ран на ней он не увидел. Ее никто не задрал и не подстрелил. Лиса как будто бежала по своим делам и внезапно умерла. Максим уже слышал по радио о странных смертях животных и теперь видел это своими глазами. Надо бы поинтересоваться у Димы, взяли ли хоть одну тушку на экспери-

тизу? От чего-то же умирают звери и птицы. Вернувшись в машину, Максим стащил перчатки и засунул их в полиэтиленовый пакет. Лучше выбросить от греха подальше.

Заболотная дорога выходила к наиболее старой и бедной окраине. Здесь располагались одноэтажные деревянные домишки, окруженные дырявыми покосившимися заборами. Во дворах почти каждого дома валялись кучи хлама, а огороды угнетали своей запущенностью. Именно в этом районе чаще всего происходили драки со смертельным исходом, на которые так любил жаловаться Максиму Дима. Контингент тут жил соответствующий: алкоголики, наркоманы, тунеядцы и прочая нечисть. Дома продавали за бесценок, а то и вовсе можно было занять любой пустующий. Чуть дальше на запад находился тот самый район, пострадавший от пожара двадцать лет назад. Место с тех пор считалось нехорошим, поэтому жить поблизости никто не хотел.

Что могло понадобиться Инге Подгородцевой в этом месте? И тем не менее, что-то понадобилось: едва только лес остался позади, а впереди автомобильные фары выхватили первые дома, Максим увидел припаркованный за сараем серебристый «Лексус» Инги.

– Неожиданно, – вслух пробормотал он, останавливаясь у чуть приоткрытой калитки.

Дом, во дворе которого припарковалась Инга, ничем не отличался от остальных: такой же серый, одноэтажный, хотя на его стенах кое-где еще виднелись следы облупившейся краски. Двор не был забит хламом, но и ухоженным не выглядел. В нем совсем не было деревьев, возле входа стояла одна довольно крепкая на вид лавочка, а дорожка от калитки к порогу была растоптана. Максим свою подсыпал два раза в год, и то ее успевало размыть дождями.

Дорогой «Лексус» Инги выглядел здесь как воздушный шарик на похоронах, всем своим видом подчеркивая, что ему тут не место. Он стоял за сараем, и с дороги почти не был виден. Если бы Максим приехал из центра, он бы его и не заметил.

Максим распахнул незакрывающуюся калитку и вошел во двор. Залаяла сидящая на цепи собака в соседнем дворе, заворила ей другая, но на порог никто не вышел. Окна оставались темными, и было похоже, что дома никого нет. Но если Максим еще мог представить, что Инга приехала к кому-то в гости или с визитом, то вообразить, что она оставила здесь машину и ушла куда-то с хозяином дома, было выше его фантазии. Если только машину не украли. Но надо быть полным идиотом, чтобы оставить ее просто за сараем. Машина приметная, все знают, кому она принадлежит, а участковый навещается сюда постоянно.

Скорее, походило на то, будто Инга сама приехала сюда, визит свой специально не скрывала, но и не хотела, чтобы он стал достоянием гласности. Решила навестить кого из своих подопечных? Почему осталась на ночь? И где она теперь?

Подойдя ближе, Максим понял, что входная дверь не только не заперта, но даже немного приоткрыта. Опыт не позволил схватиться за нее голой рукой, поэтому он вытащил из кармана мобильный телефон, включил в нем фонарик, поскольку стало уже совсем темно, натянул на ладонь другой руки рукав свитера и только тогда осторожно коснулся двери. Тщательно отрянул ноги, чтобы не наследить лишнего, вошел внутрь. Дом оказался еще меньше, чем выглядел снаружи, тесный темный коридор был завален каким-то хламом, через который приходилось пробираться медленно и осторожно.

– Кто-нибудь есть дома? – громко позвал Максим. – Эй, хозяйева!

Ответом ему послужила тишина. Преодолев коридор, Максим попал в такую же маленькую проходную кухню, а из нее – в гостиную.

– Твою мать, – выдохнул он, когда луч фонаря выхватил из темноты распластанную на полу женскую фигуру.

* * *

Костю Степанова редко кто-то видел трезвым и в добром расположении духа. Если он не был пьян, значит, был с похмелья, а потому мрачен и резок. Костя не без основания считал, что жизнь – беспросветное дерьмо, и скрасить ее может только стакан хорошего коньяка. Он был младшим из пятерых детей ударников лесоперерабатывающего завода Степановых, и единственным, кто имел образование, отличное от девяти классов средней школы.

Начальство периодически лишало его премии и угрожало увольнением, когда в очередной раз заставляло не совсем трезвым со скальпелем в руках, но Костя прекрасно знал, что его не уволят. Нет, он вовсе не считал себя бесценным специалистом типа доктора Хауса, из-за гениальности которого и коллеги, и пациенты будут терпеть все его выходки. Просто он прекрасно знал, что на его должность желающих днем с огнем не сыскать, а потому черта с два его кто-то уволит. Его пациентам же и вовсе плевать, в каком состоянии он ходит на работу. Костя Степанов был патологоанатомом.

За ненужностью отдельного судмедэксперта для полиции, он работал в больнице, а при необходимости вскрывал криминальные трупы и ездил на вызовы. У него был помощник Шурка – молодой, немного странноватый парень, и вдвоем они справлялись со всеми трупами в городе.

То, что женщина умерла не два часа назад, Костя понял уже по запаху, висевшему в ее гостиной. Он иногда в шутку говорил, что мог бы стать известным флейвористом¹, если бы не любовь к трупам, таким чутким нюхом обладал. Впрочем, в этой гостиной, кроме трупного запаха, был еще целый букет: непроветриваемого помещения, испорченной еды и засохших цветов. Больше всего Костю почему-то удивили цветы. Ему казалось, что в этом богом забытом районе женщинам не могли дарить цветы. Большой букет роз, уже полностью высохший, стоял в вазе на подоконнике. В вазе с водой. В вазе с *чистой* водой! Кто меняет воду засохшим цветам?

Одна роза покоилась на груди трупа. Кроме цветов, было и еще кое-что необычное: вокруг тела на полу черной краской был нарисован ровный, как будто начерченный циркулем, круг. Из приоткрытой печи все еще дышал жар углей, а потому в гостиной было довольно тепло. Костя даже удивился, что при такой температуре труп еще не начал разлагаться.

Поздоровавшись с маячившими у входа полицейскими, Костя прошел вглубь гостиной, где на коленках у тела уже стояла Ирина, единственный местный криминалист.

– О, Ирка, ты уже здесь, – вместо приветствия ухмыльнулся Костя.

Ирине было чуть больше двадцати, едва ли даже двадцать пять, и она страшно бесилась, когда ее называли Ирой. Требовала к себе уважительного отношения и имени Ирина. Хорошо хоть без отчества. Костя считал, что каждый имеет право выпендриваться по-своему, но это не мешало ему звать ее Иркой. Уж больно забавно она начинала злиться.

– А ты уже пьян, – предсказуемо огрызнулась она, бросив на него быстрый взгляд через плечо.

– Так ведь девять вечера, кто ж знал, что на труп вызовут?

– Можно подумать, в пять вечера ты был трезв.

– Справедливо.

Костя улыбнулся и предпочел вернуться к трупу, вытаскивая из своего чемоданчика мятую упаковку резиновых перчаток. С трупами он всегда предпочитал работать в них, руководствуясь не столько брезгливостью или косыми взглядами полицейских, сколько банальным страхом перед трупным ядом. Он спиной чувствовал на себе нетерпеливые взгляды Димы

---

¹ Человек, который работает с запахами, хорошо разбирается в них, создает новые ароматизаторы.

Стрельникова и следователя Семеновича, ожидающих, когда он скажет хотя бы предположительное время смерти, но не торопился этого делать. Мертвые люди уже никуда не спешат, вот и он на работе тоже не спешил. За спешкой можно упустить какие-то детали, а этого Костя очень не любил.

Умершей женщине было около сорока, хотя на лице прослеживались явные следы чрезмерного употребления спиртных напитков, которые обычно добавляли несколько лет, тем более особям женского пола. И тем не менее лицо ее казалось довольно симпатичным, а длинные каштановые волосы и несколько лишних килограммов даже придавали определенный шарм. Наверное, мало кто еще мог видеть красоту в мертвом теле.

Она лежала на спине, вытянув одну руку вдоль тела, а другой сжимая засохшую розу на груди. Глаза закрыты, а губы, наоборот, чуть приоткрыты. В носу Костя уже заметил пару личинок неизменных спутников смерти – мух, но те пока еще не покрывали весь труп. Можно считать, повезло. Круг, в котором лежала женщина, оказался не нарисован, а выжжен, словно кто-то разлил горючую жидкость и поджег, но не позволил огню уничтожить весь дом. Впрочем, круг интересовал Костю мало. Гораздо меньше, чем мертвая женщина.

– Ну что у тебя? – первым не выдержал Семенович, когда пошла уже двадцатая минута тщательного осмотра тела.

Костя поднялся на ноги и стянул с рук резиновые перчатки.

– Трупное окоченение еще не прошло, то бишь умерла она меньше трех суток назад, – неторопливо начал он. – Но здесь такая жара, что картина может быть смазанной. Скорее всего, около двадцати – двадцати четырех часов назад. Плюс-минус.

Дима взглянул на часы, прикидывая в уме время, названное Костей.

– Значит, вчера вечером.

Он посмотрел на Семеновича и еще одного мужчину, которого Костя не приметил раньше. То ли тот только что вошел, то ли стоял где-то в дальнем углу. Лицо его было Косте незнакомо, так что вряд ли полицейский. Кто еще это может быть, он не знал. Да и не особо его интересовало, если честно.

– А причина смерти? – уточнил следователь.

– Пока сложно сказать. Видимых ранений на теле нет. Так что это буду знать только после вскрытия. Может быть что угодно: от сердечного приступа до самоубийства.

– Самоубийства? – удивленно переспросил незнакомый мужчина.

– Ну, не все суицидники вешаются, – хмыкнул Костя, нащупывая в кармане пачку сигарет. Курить хотелось страшно. – Некоторые таблеток наглотаются или яд примут.

– Разве тогда не должно быть вокруг рвоты? – усомнился Дима.

– Таблетки тоже разными бывают. Если бы все из них вызывали рвоту, большая часть этих идиотов выживала бы.

– Но если это самоубийство, то что за круг, в котором она лежит? – почесал подбородок Семенович.

Костя начал раздражаться.

– Это не ко мне вопросы. Все, что я мог сказать – я сказал. Остальное после вскрытия. А уж выяснять, что это за круг, кто топил печь последние сутки, зачем она меняла воду засохшим цветам и к чему вообще весь этот маскарад – ваша работа. Чем мог, тем помог, – заключил Костя, направляясь к выходу. Ему еще следовало дожидаться запаздывавшего где-то Шурку и проследить, чтобы тело правильно погрузили в труповозку, но пока там не закончит Ирка, его все равно не отдадут.

Остановившись на пороге, Костя наконец вытащил из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку. На улице было темно, в этом районе города даже фонари горели через один, поэтому освещение в основном давали светящиеся окна домов. Странно, но у забора убитой еще не собралась толпа зевак, хотя полицейский автомобиль во дворе намекал, что произо-

шло что-то интересное. Костя полагал, что причиной тому могли быть новости по телевизору. Наверняка снова вещают про пожар. Запах дыма уже дошел и сюда. В Лесном не так часто что-то происходит, поэтому любое из ряда вон выходящее событие неизменно привлекает внимание жителей. Даже если это простой пожар.

Костя, как коренной житель городка, помнил тот страшный пожар в девяностых. Он тогда был школьником и с толпой таких же босоногих ребят несколько суток наблюдал за работой пожарных. Видел, как выносили обгоревшие трупы из руин дома. Тогда и решил, что хочет быть патологоанатомом. Уж очень его поразили вид черных мешков, в которых угадывались очертания останков человеческого тела. И суровый мужчина с чемоданчиком в руках – патологоанатом Анатолий Сергеевич, светлая ему память. Как ушел на пенсию десять лет назад, так почти сразу и умер. Не смог без работы.

Костя прикурил сигарету, глубоко затянулся и поднял голову вверх, выпуская струйку сизого дыма. Вытащил из того же кармана мобильный телефон, поставленный на беззвучный режим. Конечно, шесть пропущенных от Вики, он же обещал приехать к ней сегодня. То, что не приедет, Костя решил еще днем, когда понял, что коньяка хочет гораздо сильнее, а Вика всегда пилила его, когда он приезжал к ней в легком подпитии. Надо бы позвонить ей, благо теперь у него есть такая прекрасная отмазка, почему он пропустил «свидание».

В отличие от Вики, страстно стремящейся замуж, Костя считал, что ему жениться пока рано. Не то чтобы он надеялся еще погулять, он и не гулял-то особо, но внутренний барьер на штамп в паспорте стоял высокий и прочный. Вике только дай волю, она тут же нарожает такую же ораву детей, какая была в его семье. И опять придется всем делиться, все лучшее детям и тому подобное. Вика вкусно готовила, была хороша в постели, редко обижалась и быстро отходила, и он не хотел ее ни с кем делить.

* * *

Максим стоял в темном углу небольшой кухни, стараясь не мешать полицейским, но видеть гостиную и распростертое на полу тело убитой женщины. Поскольку он его обнаружил, следователь Александр Семенович Первушин первым делом опросил его. Максим подозревал, что Дима рассказал следователю о его бывшей профессии, поскольку и после короткого допроса уйти его не попросили.

Убитую женщину звали Мариной Петровной Соболевой, и она работала в местной школе учительницей русского языка. Максиму даже казалось, что он слышал это имя от Яны. Возможно, она была ее преподавательницей. Опознал ее участковый, он же сказал, что Соболева была пьяницей, периодически кодировалась и с такой же периодичностью снова срывалась. Летом даже проходила лечение в Алексеевске по какой-то благотворительной программе. Это в некоторой степени объясняло, что Инга Подгородцева могла здесь делать: деньги на эту программу дала как раз она, она же и курировала тех горожан, кто по ней лечился. Подробности еще предстояло выяснить.

Однако даже если Инга Подгородцева приехала провести свою подопечную, это никак не объясняло ни почему смерть Соболевой напоминает ритуальное убийство или самоубийство, ни куда делась сама Инга. Если патологоанатом не ошибся, то время смерти Марины совпадает со временем, когда к ней приехала Инга. Что здесь произошло? Они поссорились, Инга ее убила и решила замести следы, обставив все как ритуал? Нет, тогда она не бросила бы машину во дворе. Зашла в дом и увидела, что Марина мертва? Вызвала бы «скорую помощь». Не могла же она так испугаться, что бросила машину и убежала. Да и куда? Домой-то она так и не вернулась. Или же, если допустить, что Марину на самом деле убили, то Инга могла застать убийцу на месте преступления. И тогда либо она сбежала и где-то прячется, боясь выйти, либо... ее уже тоже нет в живых. Последний вариант казался самым скверным. Но даже если так, то кто

весь день поддерживал огонь в печи? Ведь угли еще теплые. Кто-то должен был подкладывать дрова, иначе они давно сгорели бы. Убийца расправился с обеими жертвами и вернулся сюда? Зачем? Да и глупо, его могли застать здесь.

Вопросов было гораздо больше, чем ответов, а картинка никак не желала становиться чуть более понятной. Ему пришлось рассказать следователю о том, что мэр попросил его найти исчезнувшую жену. Теперь скрывать это было уже невозможно и бессмысленно. По лицу Первушина Максим понял, что стоящая во дворе машина мэрской жены огорчает его гораздо сильнее, чем труп в гостиной. Дима шепнул ему, что Первушин и Подгородцев открыто не конфликтуют, но их взаимная нелюбовь давно ни для кого не секрет.

После того, как патологоанатом закончил с осмотром тела, Первушин велел Максиму и Диме осмотреть дом, «ничего не лапая без надобности», чем они и занялись. При более тщательном осмотре дом Соболевой выглядел гораздо лучше, чем показался вначале. В нем было две комнаты, одна – гостиная – где и нашли тело, вторая – спальня, чуть поменьше. Обе обставлены не самой новой, но и не разваленной мебелью. Жила Марина Соболева одна, хотя у нее наверняка часто бывали гости. В спальне царил легкий беспорядок, какой обычно оставляют люди, не утруждающие себя ежедневным застиланием кровати и протиранием пыли.

На небольшом письменном столе лежала стопка ученических тетрадок. Видимо, Марина Петровна взяла их на дом, но так и не успела отнести на работу. Максим быстро просмотрел стопку, но тетрадей Яниного класса не нашел.

Современная, хоть и не дорогая, российского производства, бытовая техника на кухне дополняла картину. В холодильнике осталась кое-какая еда. В основном овощи и то мясо, которое не требует приготовления, достаточно просто снять прозрачную упаковку, и даже резать не требуется. Видимо, готовить погибшая, как и убирать, тоже не любила.

Немного выбивалось из этой картины только мусорное ведро. Точнее, шкаф под мойкой, где его обычно хранят. Едва открыв его, Дима увидел батарею разнообразных пустых бутылок: здесь были бутылки и от дорожной водки и коньяка и те, которые продают в местном магазине меньше чем за сотню под названием «Вино плодово-ягодное».

– У нашей дамочки, похоже, была вечеринка, – громко прокомментировал Дима, поскольку Максим в этот момент все еще возился в спальне. – Это объясняет и цветы. Как думаешь, может, у нее был какой-то праздник, где все и произошло?

– Едва ли. Цветы уже засохли, значит, стоят давно.

Максим появился на пороге кухни, мельком взглянул на бутылки.

– Скорее, похоже на то, что они собирались не один день, их просто никто не выбрасывал. Возможно, иногда у хозяйки были деньги на более дорогой алкоголь, а иногда она пила то, что подешевле. Или же зависело от того, кто был в гостях.

– Что стало с этим миром? – покачал головой Дима. – Учительница – и алкоголичка.

– Можно подумать, раньше такого не было, – хмыкнул Максим.

Дима ненадолго задумался, а затем согласно кивнул.

– Что ты нашел в спальне?

– Ничего интересного, – вздохнул Максим. – Из литературы вообще только учебники и методички, немного классики. Никаких книг по эзотерике, если ты об этом.

Дима снова кивнул.

– Не понимаю, что за странный круг возле тела. Ирина говорит, что он недавний, не старый. Значит, лежит она в нем не просто так.

Максим не успел ответить, поскольку в кармане завибрировал телефон. Да и ответить ему, собственно, было нечего. Увидев имя дочери на экране, он торопливо вышел сначала в коридор, а затем и на порог, где все еще курил, глядя в темноту, патологоанатом Костя.

– Да, Ян.

– Пап, а ты скоро вернешься? – по голосу Яны было совершенно непонятно, какой именно ответ понравится ей больше.

Максим спустился вниз и отошел чуть дальше от порога.

– Пока не знаю, я немного занят. Ужинай сама, меня не жди.

– Ну ладно, – протянула Яна, и прежде, чем она положила трубку, Максим спросил:

– Ян, кто у тебя ведет русский язык?

– Марина Петровна, – теперь в ее голосе появилось удивление. Отец редко интересовался школьной жизнью. – То есть вела.

– Почему вела?

– Потому что сегодня к нам на урок уже пришла Елизавета Николаевна, которая инглиш преподает, и сказала, что будет заменять Марину Петровну. Ее уже и вчера не было. А почему ты спрашиваешь?

– Да так, – уклончиво ответил Максим, но от Яны не так-то просто было отделаться.

– Ну, па-а-ап, ну, скажи, – занудила она. – Она умерла?

– Почему ты так решила? – Его всегда удивляла проницательность Яны.

– Потому что она и раньше бухала, но никогда еще замену нам не ставили. Просидим урок тихо, а завтра она уже в школе. А тут два дня нет.

Все равно ведь узнает.

– Умерла, – коротко сообщил он и тут же добавил: – Но только пока молчок, поняла?

– Поняла! – в голосе дочери прорезался испуг наполовину с интересом. – А как?

– Ян, неуместное любопытство. Скажи лучше... – Максим осекся, подбирая правильные слова. – Марина Петровна не увлекалась мистикой, эзотерикой или чем-то таким?

– Не припомню такого. По-моему, она, кроме Достоевского и дешевого вина, ничем не увлекалась. Пап, а она сама умерла или ее убили? Убийство ритуальное, да? Ты поэтому про мистику спросил?

– Яна!

В глубине души Максим не мог отрицать, что из дочери действительно мог бы получиться следователь. Наверняка лучше, чем был он. Она умела подмечать детали и делать правильные выводы. Причем быстро.

– Ну, пап, ну, скажи! И я отстану.

– Мы не знаем, – сдался Максим. – Ран на теле нет, но и на самоубийство это не очень то похоже. И кое-какие следы ритуала действительно есть.

– Ритуалы обычно сопровождаются реками крови, – задумчиво протянула его неугомонная дочь.

– Яна, ты обещала, – напомнил Максим, твердо пообещав и себе, что больше не скажет ей ни слова. – Я тут немного помогаю, поэтому вернусь, наверное, поздно. Не засиживайся долго, ложись спать. Ты уроки сделала?

– О-о-о, начинается! Пока, пап!

Яна сбросила звонок, чем заставила Максима улыбнуться. Несмотря на сложности в характере из-за плохой наследственности и переходного возраста, училась Яна хорошо, поэтому он редко действительно проверял ее домашние задания, но вопрос задавал всегда, что неизменно вызывало ее смешки.

Он обернулся к дому, заметив на пороге теперь уже не только патологоанатома, но и Диму. Последний махнул ему рукой.

– Сейчас доверенное лицо Подгородцева привезет запасные ключи от «Лексуса», проведем осмотр, – сообщил Дима. – Так что далеко не уходи.

Максим кивнул. Он никуда уходить и не собирался. Со смертью Соболевой не ему разбираться, а вот Ингу искать – как раз ему.

Глава 5

Уроки Яна действительно давно сделала и даже поужинала, но вот лечь спать не собиралась. После школы Алиса твердо заявила, что пойдет с Ваней ночью на пожарище. Еще пара одноклассников тоже вызвались проверить слова Артура Михайлова, и Яне ничего не оставалось, кроме как согласиться, несмотря на то, что она признавала правоту слов Елизаветы Николаевны, или Лизки, как ее называли ученики за глаза. Учительницу английского они любили и уважали, но так уж сложилось, что всем преподавателям давали клички. Да и пока выговоришь – Елизавета Николаевна – язык сломать можно. А в Лизке было даже что-то милое, хоть все в школе знали, что она терпеть не может имя Лиза. И тем не менее уважение друзей было для Яны важнее, чем мнение учительницы. Особенно Алисино.

Когда Яна переехала в Лесной, ей было уже десять. В классе все дети давно знали и друг друга, и семьи друг друга, а Яна оказалась новичком. Поначалу ее сторонились, пока однажды на биологии всему классу не раздали задания на двоих. Алиса в тот день прогуливала, и в пару ей досталась Яна, которую никто не выбрал. Совместный проект сдружил девочек, и бойкая Алиса, звезда и авторитет класса, взяла новенькую под крыло. С тех пор мнение подруги для Яны стало приоритетным. Она и волосы покрасила только потому, что Алиса как-то бросила, будто бы ходить со своим цветом не модно. Тем более таким, как у Яны: настолько светлым, что почти белым. Блондинки глупые.

Яна глупой не была. Учеба давалась ей легко, она почти не прикладывала усилий для того, чтобы учиться на пятерки. Сложные темы по математике и физике понимала быстро – дедушкины гены, обладала врожденной грамотностью и легко запоминала параграфы по истории и географии, лишь единожды прочитав их.

То, что отец сегодня задерживается, играло ей на руку. Возможно, она и вовсе успеет вернуться раньше него, но на всякий случай положила под одеяло свернутый плед, задернула шторы и не стала зажигать новогоднюю гирлянду. Даже если он заглянет к ней в комнату, в темноте не разглядит, что именно лежит на кровати. А за шторами заодно не видно, что она не заперла щеколду. Будет возможность влезть в дом через окно.

Алиса, Ваня и близнецы Влад и Слава Наяровы уже ждали ее за пустым домом лесника Федора. Федор умер два года назад, дом его стоял пустым, а потому давно стал местом встречи молодежи. Он находился у самого леса, уже окруженный первыми деревьями, и хорошо скрывал любое собрание от посторонних глаз. Кроме этой четверки, была с ними и Маша Подгородцева, дочь городского мэра. Маше всего пару месяцев назад исполнилось четырнадцать, но она давно и страстно была влюблена в Славу Наярова, а потому везде таскалась за ним. Яна даже не удивилась, увидев ее.

– Наконец-то, – проворчала Маша, обхватив себя руками и перепрыгивая с ноги на ногу.

Ночь выдалась холодной, а она надела только легкую курточку и юбку. В темноте видно было плохо, но Яне показалось, что на ней даже колготок нет. Маша всегда одевалась так, чтобы выглядеть в глазах мальчишек, особенно, конечно, Славы, красиво и стильно. Шапки не носила даже в самые сильные морозы, отдавала предпочтение коротким юбкам, а не удобным теплым джинсам.

– Где ты так долго? Папаша не отпускал, что ли?

Это прозвучало с такой насмешкой, что Яне пришлось стиснуть зубы, чтобы не ответить что-нибудь грубое. С Машей она давно предпочитала не связываться.

– Его нет дома, – все же не сдержалась она. Однако тут же об этом пожалела.

– Ух ты, папенька наконец завел себе любовницу и не ночует дома?

Отвечать не пришлось, за Яну это сделала Алиса, тоже не переносившая Машу на дух, однако не ограничивающая себя в высказываниях:

– Не ровняй всех по своему папаше. Это он уже скоро всю округу перетрахаёт и на второй круг пойдет.

– Мой хотя бы с матерью ради любовницы не разводился, – выплюнула Маша, намекая на отца Алисы, который жил в этом же городе, но был женат уже во второй раз.

– Ладно, хватит вам, – оборвал обеих Ваня. – Идем уже. Здесь всем плевать на ваших отцов, а вот доказать Михе, что никакого призрака на пожарище нет, я лично хочу.

Идти пришлось довольно долго: пожарище находилось на другом конце города, а пробираться они предпочли по опушке леса, не выходя на улицы. Лизка была права: ни одному из них еще нет шестнадцати, если их заметит полиция, мало не покажется. Ваню участковый и так уже знал в лицо и по имени, а вчера спалилась и Алиса. Отец близнецов Наяровых выпорот их ремнем, если узнает, да и волновать своего отца Яна не хотела.

В темноте и тишине леса было ясно видно светлеющее над горящим лесом небо, то и дело раздавался треск гибнущих деревьев. Если прислушаться, можно было, наверное, даже уловить голоса пожарных. В вечерних новостях передавали, что огонь усиливается, но пока к городу не приближается, а как будто огибает его, заключая в кольцо. С одной стороны, это радовало, с другой – внушало страх. Если огнем перекроет дорогу, из Лесного будет не выехать.

Чем ближе подростки приближались к сгоревшей много лет назад окраине, тем темнее становилось вокруг. Редкие огни города остались позади, тропинка освещалась лишь идущей на убыль луной, которая то и дело пряталась за низкими тучами, не приносящими спасительного дождя. Хоть ветра, внезапно поднявшегося с утра, уже почти не было.

Они включили фонарики в мобильных телефонах, но те помогали мало, позволяя лишь ни за что не зацепиться ногой и не растянуться на холодной земле под дружный хохот товарищей. Маша все сильнее цеплялась за руку Славы, даже Ваня подставил Алисе локоть. Влад ничего такого Яне не предлагал, а она не решалась попросить сама, хоть от ужаса сжимались внутренности, желудок завязывался в тугий узел, а по затылку словно кто-то водил мохнатой лапой. В тот момент, когда Яна окончательно пожалела, что не послушала Лизку, впереди показался первый сгоревший дом. Он выступил из темноты молчаливым великаном, заставив подростков суеверно остановиться на несколько секунд. Когда-то в нем было два этажа, но теперь от верхнего осталась лишь одна обугленная стена, которую дожди и время вылизали почти до полной гладкости. Нижний этаж сохранился целиком, но, конечно, в нем не осталось окон. Темные провалы на их месте походили на зияющую пасть чудовища, готовую вот-вот поглотить замешкавшегося путника.

Яна старалась сильно не оглядываться по сторонам и, наверное, не заметила бы призрак, даже если бы он в кровавом плаще с подбоем появился в метре от нее. По притихшим друзьям она понимала, что они испытывают примерно такой же страх, как и она, но молчат. Она тоже молчала.

– Народ, а может, ну его? – первым не выдержал Влад.

– Зассал? – тут же усмехнулся Ваня. Они с Алисой вырвались вперед и шли первыми.

– Не трусь, – поддержал Ваню Слава. – Сейчас быстренько осмотримся и пойдем. И так же понятно, что нет здесь никого.

В тот момент, когда голос Славы растворился в ночной темноте, где-то впереди вспыхнул яркий огонек и тут же погас. Ребята замерли, до боли в глазах вглядываясь в то место, где только что мелькнула темно-оранжевая вспышка.

– Что это было? – испуганно спросила Алиса.

– Мамачки, – с заметными слезами в голосе пробормотала Маша. – Я не хочу дальше идти.

Влад согласно кивнул.

– Я согласен с тем, что надо возвращаться.

А вот в Яне уже проснулся интерес исследователя.

– Да ладно вам, а вдруг это действительно призрак? – переступая с ноги на ногу, сказала она. – Мы же ради этого и пришли, давайте посмотрим.

– Вот, Янка дело говорит! – Ваня посмотрел на нее с уважением. – Что вы детский сад развели? Пойдемте.

И все шестеро осторожно двинулись вперед. Огонек больше не зажигался, но они хорошо запомнили, где именно видели его, и спустя несколько минут подошли к еще одному сгоревшему дому. Он пострадал меньше других, поскольку находился чуть в стороне. Почернела и обуглилась только одна стена и крыша, даже потолок в некоторых местах сохранился. Было видно, что в проеме, оставшемся от окна, все еще мелькает замеченный ребятами огонек. Когда они подошли поближе, услышали и осторожные шаги внутри дома, и чьи-то приглушенные голоса.

Ваня знаком велел всем выключить фонарики, что они и сделали. Пока остальные испуганно жались друг к другу, Ваня кивнул Яне, и та не посмела отказаться, поторопилась за ним. Вдвоем они прошли чуть вперед, пригнувшись, как солдаты под пулями. Приблизились к окну и осторожно заглянули внутрь.

В небольшом помещении, почти полностью очищенном от мусора, на полу стояли несколько толстых свечей, формируя большой круг, а рядом с ними, держа в руках книгу, плыла фигура в длинном темном плаще с развевающимися полами, но безо всякого кровавого подбоя.

Яна почувствовала, как перехватило дыхание. Только отчаянное нежелание опозориться перед друзьями не дало ей хлопнуться в обморок. Она изо всех сил вцепилась пальцами в оконный проем и, наверное, издала какой-то звук, потому что фигура вдруг замерла, а потом резко обернулась. Лица ее Яна не увидела, тотчас же разжала пальцы и упала на спину. Головные связки парализовало, и закричать она не смогла. Ваня сначала тоже отпрянул от окна, но тут же вернулся обратно и шумно выдохнул.

– Вот вам и привидение! Шурка-сатанист это!

И действительно, в окне показался Шурка – молодой человек, несколько лет назад закончивший школу. В университет он то ли не поступил, то ли не захотел поступать, но сразу после школы устроился помощником патологоанатома дяди Кости, там и работал до сих пор. Шурка носил длинные волосы, предпочитал черную одежду и обладал таким пронзительным взглядом, как будто смотрел куда-то сквозь собеседника. Говорили, что несколько раз его видели в лесу за какими-то ритуалами, а у всех его соседей исчезли или сдохли домашние животные. Пару раз Шурку даже били, но дальше дело не шло: участковый не находил никаких признаков того, что Шурка причинял вред животным или соседям. Местные, не разобравшись, дали ему кличку сатанист, но некоторые ребята называли некромантом. Яна считала, что если бы он действительно проводил сатанинские обряды и убивал животных, участковый нашел бы доказательства, но сейчас впервые начала сомневаться в его невинности. Иначе что он делал один ночью на пожарище? Зачем ему свечи? Что за книга в его руках? С кем он разговаривал?

Яна поднялась с земли и мельком огляделась. Все друзья смотрели на Шурку и смеяться над ней никто не собирался.

– Вы что здесь делаете? – спросил Шурка.

– А ты? – не растерялся Ваня.

– Я, допустим, совершеннолетний, в отличие от некоторых. Родители знают, где вы?

– А ты нас не пугай. Скажу кому следует, чем ты здесь занимаешься, как пить дать загребут.

– Ничем я тут не занимаюсь.

– А вот я сейчас пойду и посмотрю!

Ваня решительно направился ко входу в дом, и все остальные ребята потянулись за ним. На так и сидящую на земле Яну никто не обратил внимания, ей пришлось самостоятельно

подниматься с земли и отряхивать джинсы. В тот момент, когда друзья скрылись в доме, она внезапно услышала шум. Даже не шум, а скорее шорох в противоположной от входа стороне. Яна замерла и медленно обернулась. От темной стены, видимо, посчитав, что ее никто не увидит, отделилась фигура в таком же плаще, какой был на Шурке, и торопливо направилась в лес. Яна стояла, боясь пошевелиться и вдохнуть, пока фигура не растворилась среди деревьев. В темноте она не видела, мужчина это или женщина, но человек был невысокого роста и худощавого телосложения. Наверное, такой же молодой, как и Шурка. Интересно, чему они помешали: свиданию или ритуалу?

Входить в дом, где, возможно, только что проводился какой-то обряд, казалось Яне страшным, но оставаться одной на улице было еще страшнее. Не то чтобы она верила в возможность вызова дьявола, но даже увидеть растерзанную крысу или кошку не хотелось.

В доме пахло сыростью и расплавленным парафином. Едва она вошла, пламя свечей тут же дернулось в сторону, как будто от испуга.

От движения воздуха, поправила себя Яна. Пламя не может бояться. Зато вот Шурка явно боялся. Пока Ваня с видом хозяина дома осматривал комнату, комментируя увиденное, он стоял у стены, прижимая к себе книгу, и не говорил ни слова. Яна, вопреки логике и здравому смыслу, испытывала что-то вроде сочувствия к нему, уж слишком несчастным он выглядел.

Ваня обошел всю комнату, пнув по дороге пару валявшихся под ногами свечей, которые в данный момент не горели, а потом снова повернулся к Шурке.

– Так какого фига ты тут делаешь?

– Просто книгу читал, – ответил тот.

– А ну покаж!

Шурка прижал к себе книгу сильнее, и Яне показалось, что они в паре секунд от драки. Щуплый худощавый Шурка едва ли сможет оказать сопротивление мощному Ване, но на его лице была написана такая отчаянная решимость, что Яна поняла: просто так он со своей книгой не расстанется.

– Да ладно тебе, Вань, – вступилась она. – Сдалась нам эта книга. Давай лучше спросим у него, не видел ли он здесь призрака.

– Призрака? – Шурка удивленно уставился на нее.

– Говорят, здесь бродит призрак кого-то, кто погиб при пожаре двадцать лет назад.

На лице Шурки промелькнуло странное выражение, а Ваня поторопил его:

– Ну что ты молчишь, придурок? Тебе девушка вопрос задала.

– Не видел я никакого призрака, – огрызнулся Шурка.

Ваня сплюнул на землю, стараясь угодить в одну из свечей, но промазал.

– Так я и думал, – бросил он. – Пошли отсюда.

Шеренга подростков послушно потянулась к выходу. Яна, шедшая последней, мельком оглянулась, ожидая увидеть на лице Шурки облегчение, но тот смотрел ей вслед как будто с сожалением.

– Но я могу его вызвать! – заявил он, когда ребята уже вышли на улицу.

Ваня резко обернулся.

– Что?

– Я могу вызвать призрака. Если вы хотите.

– Чего ты несешь, полоумный? – насмешливо поинтересовался Ваня.

– Может, хватит его обзывать? – внезапно вступилась за Шурку и Алиса. – Вдруг он реально может? – она тоже посмотрела на «сатаниста».

– Только не сегодня, – заявил тот. – Я не взял с собой нужных вещей, не знал, что придется.

– Завтра?

– Завтра у меня ночное дежурство. Давайте послезавтра. Приходите на Ведьмину поляну около полуночи. Я все приготовлю и буду вас ждать.

Ваня задумался на несколько секунд, как будто прикидывая, где он собирается послезавтра быть в это время, а затем кивнул.

– Придем. – Он посмотрел на товарищей. – Кто со мной?

– Я! – тут же вызвалась Алиса.

– И мы, – хором отозвались близнецы.

На лице Маши был написан явный страх, но она тоже кивнула.

– А ты придешь?

Как ни странно, этот вопрос Яне задал не Ваня, а сам Шурка. В его глазах Яна внезапно увидела затаенную надежду на то, что она не откажется.

– Конечно, – заверила она.

* * *

Домой Максим вернулся только в седьмом часу утра. Было бы лето – уже начало бы светать. Но на дворе стояла мрачная осень, солнце едва ли покажется даже днем, поэтому было еще совсем темно, тротуары пусты и безлюдны, не светились в домах окна.

В доме Соболевой они провозились почти до пяти часов. Сначала патологоанатом никак не мог дозвониться до своего помощника, чтобы забрать тело, потом криминалист Ирина долго ходила по комнатам, хмурясь и никому ничего не объясняя. Чтобы не тратить время на дело, которое все равно не ему расследовать, Максим, заручившись разрешением следователя, отправился осматривать машину Инги. В глубине души он мог себе признаться, что в некотором роде завидовал тем, кто остался в доме. Завидовал и отчаянно хотел быть на их месте. Как бы ни убеждал себя в обратном, а по прошлой работе он иногда скучал. Только едва ли признался бы в этом кому-то другому. Да и себе не стоило.

В машине не нашлось ничего интересного: в бардачке несколько пачек салфеток, сухих и влажных, две пары солнечных очков, инструкция к автомобилю и косметичка, в которой лежали самые обычные женские вещи. Салон выглядел чистым и опрятным, никаких следов борьбы или беспорядка, указывавшего бы на то, что Ингу силой вытаскивали из машины. На заднем сиденье Максим обнаружил небольшой фирменный пакетик из магазина, в который он заходил в Алексеевске, а в нем – те самые запонки и зажим для галстука. А вот сумочки не было. Наверное, Инга взяла ее с собой. Это и правильно: ни одна женщина не выйдет из машины без сумочки, а тем более в таком районе.

Пока все сходилась. Инга Подгородцева вчера – то есть к этому моменту уже позавчера – поехала в Алексеевск, чтобы забрать подарок для мужа. Около четырех часов после полудня покинула магазин, возможно, зашла куда-то пообедать... Кстати, надо попросить Подгородцева раздобыть выписку с ее счета, чтобы узнать, где именно она была. Наверняка Инга платила не наличными, а картой. К убийству Соболевой эта информация едва ли имеет отношение, а вот к исчезновению самой Инги – вполне может. Вдруг официанты ее вспомнят и скажут, была ли она одна или с кем-то встречалась? Что если у нее был, например, любовник, у которого она может сейчас прятаться? Или подруга, о которой не знал муж? Правда, ни Виктория, ни вторая лучшая подруга Инги о третьей ничего не говорили, но даже лучшие подруги не всегда все знают. Но вот с мэром этими мыслями лучше не делиться.

Когда Максим вернулся в дом, оставшиеся там стояли с крайне озадаченными лицами и смотрели на Ирину, а та казалась растерянной и возбужденной одновременно. По покрасневшему лицу было понятно, что она пыталась доказать мужчинам что-то такое, с чем они никак не могли согласиться.

– Что случилось? – мгновенно заинтересовался Максим.

Следователь хмуро посмотрел на него и ничего не ответил. Ирина тоже молчала. Сказал Дима:

– Ирина утверждает, будто в доме нет вообще никаких отпечатков пальцев.

– Немного не так, – поморщилась Ирина. – Есть несколько отпечатков на ручке входной двери и отпечаток ладони на стене в гостиной. Принадлежат одному человеку, но не Соболевой. И все.

– В смысле все?

– В прямом. Весь дом стерилен, как операционная. Гостиная, спальня, кухня. Все предметы, поверхности. Поверь, я тут все облазила. Ни одного самого старого отпечатка, ни даже фрагмента.

Максим непонимающе нахмурился, краем сознания отмечая, что теперь у него такое же лицо, как и у остальных. Предположим, Инга – или кто-то другой – вошла в дом, увидела на полу мертвую знакомую, от неожиданности схватилась за стену. Тогда найденные следы – ее. Предположим, убийца – если это убийство – заранее надел перчатки. Что было бы логично и предусмотрительно. Предположим, Соболева никого не водила к себе домой. Но где, черт побери, ее собственные отпечатки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.